

Санкт-Петербургское государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ»

Научно-практический журнал

ВЕСТНИК СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Том 1, № 3
2022

Science and practice journal

Journal of Social Policy

Vol. 1, Iss. 3
2022

ISSN 2782-5302 (print)
ISSN 2782-5337 (online)

Научно-практический журнал «ВЕСТНИК СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Том 1, № 3 (2022)

Научно-практический журнал «Вестник социальной политики» издается с 2022 г. и публикует статьи и библиографические обзоры по теории, истории и методологии социальной политики, результаты эмпирических исследований и экспериментов в области социальной политики в России и за рубежом.

Учредитель: Санкт-Петербургское государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы» (СПбГИПСР).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-82294, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23.11.2021. Журнал индексируется в системе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакция:

Главный редактор — *Балашов Алексей Игоревич*, доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора — *Баркова Татьяна Николаевна*, кандидат социологических наук, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Выпускающие редакторы:

— по направлениям «Экономика» и «Педагогика» — *Киселева Людмила Сергеевна*, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

— по направлению «Психология» — *Малкина-Пых Ирина Германовна*, доктор физико-математических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь — *Лысенко Ирина Сергеевна*, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

Направление «Психология»:

Андреева Ирина Николаевна, доктор психологических наук, профессор, Полоцкий государственный университет (Новополоцк, Белоруссия);

Горбатов Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Калашиникова Марина Борисовна, доктор психологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Российская Федерация);

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Сергеева Алла Владимировна, доктор психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Филиппченкова Светлана Игоревна, доктор психологических наук, доцент, Тверской государственный технический университет (Тверь, Российская Федерация).

Направление «Педагогика»:

Бузаубакова Клара Жайдарбековна, доктор педагогических наук, доцент, Таразский региональный университет им. М.Х. Дулати (Тараз, Казахстан);

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, Пятигорский медико-фармацевтического институт — филиал Волгоградского государственного медицинского университета (Пятигорск, Российская Федерация);

Дубенский Юрий Петрович, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный университет (Омск, Российская Федерация)

Жебе Андреа, доктор педагогических наук, профессор, Университет Семмелвейса (Будапешт, Венгрия);

Лебедева Светлана Соломоновна, доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Старобина Елена Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, Федеральный научный центр реабилитации инвалидов им. Г.А. Альбрехта (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Направление «Экономика»:

Аймен Ануарбек Талхаевич, доктор экономических наук, профессор, Таразский региональный университет им. М.Х. Дулати (Тараз, Казахстан);

Балашов Алексей Игоревич, доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Горбашко Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Киселева Людмила Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Разумовская Елена Михайловна, доктор экономических наук, профессор, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация);

Тимирясова Асия Витальевна, кандидат экономических наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (Казань, Российская Федерация).

Подписано в печать: 27.12.2022

Формат 60×84/8. Усл.-печ. л. 8,14

Тираж 500 экз. Заказ № 14357

Отпечатано в типографии «Скифия-Принт», Санкт-Петербург, 197198, ул. Б. Пушкарская, д. 10.

Почтовый и электронный адреса редакции:

199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., д. 13, лит. А;
journal@gipsr.ru.

© СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», 2022

© Авторы публикаций, 2022

Scientific and practical journal "JOURNAL OF SOCIAL POLICY"

Vol. 1, No 3 (2022)

Published by: Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Editor-in-Chief: Balashov Aleksey Igorevich, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation).

Deputy Editor-in-Chief: Barkova Tatyana Nikolaevna, Candidate of Sociological Sciences, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation).

Issuing editor (Psychology): Malkina-Pykh Irina Germanovna, Doctor of Sciences in Physics and Mathematics (Biophysics), Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation).

Issuing editor (Pedagogy, Economics): Kiseleva Ludmila Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation).

Secretary: Lysenko Irina Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation).

Editorial board

Psychology:

Andreeva Irina Nikolaevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Polotsk State University (Novopolotsk, Belarus);

Gorbatov Dmitry Sergeevich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation);

Kalashnikova Marina Borisovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Continuing Pedagogical Education, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation);

Miklyaeva Anastasia Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation);

Sergeeva Alla Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation);

Filippchenkova Svetlana Igorevna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Tver State Technical University (Tver, Russian Federation).

Pedagogy:

Buzaubakova Clara Zhaydarbekovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dulary Taraz Regional University (Taraz, Kazakhstan);

Goverdovskaya Elena Valentinovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute — branch of the Volgograd State Medical University (Pyatigorsk, Russian Federation);

Dubensky Yury Petrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Omsk State University (Omsk, Russian Federation);

Zhebe Andrea, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Semmelweis University (Budapest, Hungary);

Lebedeva Svetlana Solomonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation);

Starobina Elena Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Federal Scientific Center of Rehabilitation of the Disabled named after G.A. Albrecht (Saint Petersburg, Russian Federation).

Economics:

Aimen Anuarbek Talhaevich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dulary Taraz Regional University (Taraz, Kazakhstan);

Balashov Aleksey Igorevich, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation);

Gorbashko Elena Anatolievna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation);

Kiseleva Ludmila Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg, Russian Federation);

Razumovskaya Elena Mikhailovna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation);

Timiryasova Asiya Vitalievna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russian Federation).

Publisher. The scientific and practical journal "Journal of Social Policy" has been published since 2022 and publishes articles and bibliographic reviews on the theory, history and methodology of social policy, the results of empirical research and experiments in the field of social policy in Russia and abroad. The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) — a bibliographic and abstract index implemented as a database that accumulates information about the publications of Russian scientists in Russian and foreign scientific publications. The RSCI project has been developed since 2005 by the Scientific Electronic Library (eLibrary.ru). Registration certificate for the mass media "Journal of Social Policy" PI No. FS77-82294, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on 11.23.2021.

Address and Email: 199178, Saint Petersburg, 12 line V. O., 13, A; journal@gipsr.ru.

© Saint Petersburg State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work", 2022

© Authors of publications, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

- С.Ю. Агапитова*
Роль правозащитных гарантий в реализации социальной политики Санкт-Петербурга. 6

ПСИХОЛОГИЯ

- Д.С. Горбатов*
Экспериментальное исследование психологического содержания концепта
«социальные манипуляции» 11
- К.В. Романов*
Методологические аспекты управления противодействием
деструктивным социальным манипуляциям 19
- Д.С. Безносков*
Социально-психологические особенности правовых отношений 26
- М.В. Рубцова, А.В. Рубцова*
Социальная дезадаптация и рост суицидов: уроки пандемии 33

ПЕДАГОГИКА

- М.В. Киселева, Е.В. Лебедева*
Опыт применения изотерапевтической программы «волшебная глина»
в работе с инвалидами трудоспособного возраста с нарушением интеллекта 39

ЭКОНОМИКА

- В.А. Родионов*
Роль органов социальной защиты населения Иркутской области в оказании социальной
помощи семьям с детьми в чрезвычайных ситуациях 46
- С.Б. Быстрянец*
Экономико-социологические основания для формирования теории социальной работы 54
- Е.А. Васильева*
Цифровизация социальной политики: инновации и риски 60

CONTENT

- S.Y. Agapitov*
The role of human rights guarantees in the implementation of social policy6

PSYCHOLOGY

- D.S. Gorbatov*
Emotions in adolescent suicidal behavior11
- K.V. Romanov*
Methodological aspects of managing counteracting destructive social manipulation19
- D.S. Beznosov*
Socio-psychological characteristics of legal relations.26
- M.V. Rubtcova, A.V. Rubtcova*
Social maladaptation and rising suicide rates: lessons from the pandemic33

PEDAGOGY

- M.V. Kiseleva, E.V. Lebedeva*
Experience of using the “Magic Clay” isotherapy programme with disabled people of working age
with intellectual disabilities39

ECONOMICS

- V.A. Rodionov*
The role of social protection agencies in the irkutskaya oblast in providing social assistance
to families with children in emergency situations46
- S.B. Bystryanzev*
Sociological bases for formulation of social work theory54
- E.A. Vasilieva*
Digitalisation of social policy: innovations and risks.60

РОЛЬ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ГАРАНТИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

С.Ю. Агапитова

Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге

Уполномоченный по правам человека, или, как его еще называют, омбудсмен (от швед. *ombudsman* — «представитель») — это государственная должность, учрежденная в Санкт-Петербурге для обеспечения дополнительных правозащитных гарантий. При осуществлении своих полномочий омбудсмен независим от каких-либо органов власти и должностных лиц и служит интересам всех людей, независимо от их политических взглядов, социального статуса и профессиональной принадлежности. Уполномоченный избирается Законодательным собранием Санкт-Петербурга сроком на пять лет. Действующий уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге занимает свой пост с 1 декабря 2021 г. К нему обращаются, если

органы власти или государственные учреждения не выполняют свои обязанности и их действия либо бездействие нарушают права граждан, например:

- отказывают в удовлетворении законных требований (начиная с приема заявления);
- необоснованно затягивают решение поставленных в заявлении вопросов;
- отвечают не по существу поставленных в заявлении вопросов.

Омбудсмен проводит проверку достоверности поступивших жалоб и, если информация о нарушении прав подтверждается, помогает их восстановить. Его цель — обратить внимание органов власти на выявленные нарушения и добиться принятия мер к их устранению.

Кроме того, из работ с обращениями, из взаимодействия на приемах с конкретными людьми уполномоченный выявляет системные правозащитные проблемы. Их решение — очень непростая задача, но реальная, если действовать сообща, искать возможный выход вместе с экспертным сообществом, некоммерческим сектором и представителями властей.

Безусловно, уполномоченный и созданный для обеспечения его деятельности аппарат — не единственный государственный институт, действующий в сфере правозащиты. Надзорные и контрольные правозащитные функции осуществляют прокуратура, территориальные подразделения ряда федеральных органов власти. Между ними и омбудсменом налажено взаимодействие на основе заключенных соглашений, проводятся совместные проверки и приемы.

Компетенция таких органов, принимающих юридически обязывающие решения, имеет большое значение для выполнения рекомендаций омбудсмена, которые направлены на решение как конкретных, так и системных правозащитных вопросов.

Сам уполномоченный не обладает специфическими властными полномочиями, а выступает в роли медиатора, посредника в разрешении конфликтов граждан и должностных лиц, общественных организаций и государственных структур, ориентирует на правовые механизмы их урегулирования, переводит противостояние в диалог, снижает «градус напряженности». При этом за невыполнение законных требований омбудсмена установлена административная ответственность¹.

Деятельность омбудсмена регламентирована Федеральным законом «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» и новой редакцией Закона Санкт-Петербурга «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге». Оба они были приняты в 2020 г. и значительно укрепили правовые основы этого института государственной правозащиты.

Нормативные правовые акты, регулирующие деятельность уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге:

Федеральное законодательство

Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

Статья 16.1. Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Статьи 12, 15, 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ.

Статьи 7, 21 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Статья 38 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях

и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Статьи 10, 20, 22 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Статьи 40, 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.

Региональное законодательство

Закон Санкт-Петербурга от 08.07.2020 № 357-79 «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге».

Статья 19 Устава Санкт-Петербурга. Принят Законодательным собранием Санкт-Петербурга 14.01.1998.

Статья 46-2 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге».

Федеральный закон разрабатывался в Совете Федерации совместно с аппаратом уполномоченного по правам человека в РФ с учетом предложений региональных омбудсменов. Они, в частности, получили возможность обращения в суд (в том числе Конституционный суд РФ) с административным иском об оспаривании нормативных правовых актов, содержащих положения, нарушающие права и свободы неопределенного круга лиц. Однако, помимо восстановления прав, важно предотвращать их нарушения. Для этого предлагается дополнить часть 4 статьи 1 Федерального закона «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» указанием на то, что деятельность омбудсмена способствует предупреждению (недопущению) нарушений прав. Эта функция может быть реализована, например, путем обязательного получения заключений уполномоченного перед принятием нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан.

В редакции петербургского закона об уполномоченном 2020 г. учтены и накопленный опыт применения первого закона 1997 г., и новые нормы федерального законодательства. При этом по-прежнему сохраняет актуальность предложение по наделению омбудсмена правом законодательной инициативы, направленной на обеспечение прав граждан. Федеральным законом установлено, что оно может быть предоставлено Конституцией (Уставом) субъекта РФ, но в Устав Санкт-Петербурга такая норма пока не включена.

¹ Статья 46-2 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге».

За 15 лет существования в Петербурге института уполномоченного по правам человека он помог тысячам людей защитить права и человеческое достоинство, поверить в справедливость. Его востребованность, доверие граждан год от года растет, а это один из основных показателей эффективности. Только за 2022 г. омбудсмену поступило более семи тысяч устных и письменных обращений и просьб о правовой помощи. В 2022 г. консультации на личном приеме получили более 500 человек, на 30% увеличилось количество письменных жалоб уполномоченному (по сравнению с 2021-м). Новыми вызовами, с которыми столкнулся уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге, так же как и его коллеги в других регионах, стали обращения в защиту военнослужащих по контракту, мобилизованных, добровольцев, вынужденных переселенцев и иностранцев, депортация которых в страну исхода затруднена либо невозможна из-за закрытия международного авиасообщения. В прошлом году нарастали геополитические и социально-экономические проблемы, и этот процесс, к сожалению, продолжается. Доходы людей снижаются, коммерческий сектор выживает с трудом, семьи мобилизованных остались без кормильцев, зачастую — единственных... Это увеличивает сложность и ответственность всех направлений как государственной, так и благотворительной поддержки и защиты людей из наиболее уязвимых групп, адресной помощи одиноким пенсионерам, инвалидам, семьям с детьми, выпускникам сиротских учреждений и др. Тем, кто из-за пожилого возраста, ограничений здоровья, свободы, отсутствия социальных связей не может справиться со своими проблемами самостоятельно. При том что НКО в нынешних реалиях теряют значительную часть жертвователей. И эту тревожную тенденцию необходимо учитывать.

Ситуация в Петербурге, конечно, значительно лучше, чем во многих других регионах. И в экономическом, и в социальном плане. Во многом благодаря политике городского правительства и сильному некоммерческому сектору в городе за последние два десятилетия была сформирована достаточно эффективная система социальной защиты людей из уязвимых групп. Не без сбоев, конечно, но эта система работает и, что вселяет оптимизм, развивается.

Ежедневный опыт общения уполномоченного с петербуржцами, особенно пожилыми, показывает, что они зачастую просто не знают, какие виды государственной поддержки им положены

по закону, и, соответственно, не могут реализовать свои социальные права. Все начинается с пресловутого заявительного порядка правоприменения, когда человек должен сам обратиться за той или иной льготой, пособием, выплатой. В итоге значительная часть приемов, телефонных и онлайн-консультаций омбудсмена носит просветительский характер. Иногда людям достаточно показать, в какую дверь стучаться. Ну а если система пробуксовывает, приходится вмешиваться уполномоченному.

Занимаясь правовым просвещением, уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге стремится не только объяснить людям, какие права у них есть, но и научить их отстаивать и защищать их. Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге и сотрудники его аппарата ежедневно занимаются правовым просвещением, отвечая на обращения граждан и консультируя их в ходе приемов. Актуальная информация о формах и методах реализации и защиты прав человека, о работе уполномоченного с жалобами конкретных людей и содействию в решении правозащитных проблем на системном уровне размещается на официальном сайте ombudsmanspb.ru и в сообществах в социальных сетях. Действенную помощь в правовом просвещении петербуржцев омбудсмену оказывают средства массовой информации. Уполномоченный регулярно отвечает на запросы СМИ, участвует в пресс-конференциях, в обсуждении правозащитных проблем на страницах печатных изданий, в радио- и телевизионных программах. Нередко о случаях нарушения прав человека омбудсмен узнает из СМИ раньше, чем получает жалобы. А внимание журналистов к правозащитным инициативам уполномоченного помогает их продвигать.

Ежегодный доклад уполномоченного — это главное официальное издание, информирующее государственные структуры и граждан о положении в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Санкт-Петербурге. Омбудсмен представляет доклад в Законодательном собрании, он публикуется и размещается на сайте ombudsmanspb.ru. Для учета предложений уполномоченного доклад направляется в органы власти и местного самоуправления, в компетенцию которых входит осуществление мер по обеспечению и защите прав и свобод человека. Уполномоченный также публикует специальные доклады по отдельным правозащитным проблемам, методические рекомендации, справочные

и информационно-просветительские материалы, в которых разъясняются механизмы реализации прав и законных интересов граждан в различных сферах.

Во взаимодействии с федеральными и региональными коллегами, государственными органами, правозащитными неправительственными организациями, профессиональными объединениями судей, адвокатов и нотариусов, вузами, библиотеками и музеями уполномоченный по правам человека проводит конференции, круглые столы, семинары и правовые консультации. Так, с 2017 г. аппарат уполномоченного в Санкт-Петербурге совместно с Центральной городской библиотекой имени Маяковского участвует во всероссийских днях правовой помощи людям старшего возраста. Инициатором проведения правовых марафонов для пенсионеров, приуроченных ко Дню пожилого человека (1 октября), является уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова. В возобновленных в Санкт-Петербурге осенью 2022 г. после вынужденного перерыва в связи с эпидемией COVID-19 очных социально-правовых консультациях участвуют представители ведомств и госучреждений, деятельность которых, судя по обращениям к омбудсмену, вызывает наибольшее количество вопросов. Бесплатную юридическую помощь оказывают представители омбудсмена, прокуратуры, судебных приставов, нотариусов и адвокатов. Только за один день более 700 пожилых людей получили 2 200 профессиональных консультаций и «направлений» к специалистам, которые действительно могут помочь, а также 6 500 справочников и памяток с полезной информацией.

Важное место в работе омбудсмена занимает содействие образовательным организациям в подготовке специалистов в сфере юриспруденции, государственного управления, социальной работы, связей с общественностью и СМИ. За последние шесть лет учебную и производственную практику в аппарате уполномоченного прошли более 140 студентов ведущих петербургских вузов. В 2022 г. опыт сотрудничества с институтом государственной правозащиты впервые получили две практикантки из ссуза — Петровского колледжа.

В 2022 г. уполномоченным были заключены соглашения о взаимодействии с Санкт-Петербургским государственным институтом психологии и социальной работы и с Северо-Западным институтом управления — филиалом РАНХиГС. Годом ранее на юридическом факультете петербургского кампуса Президентской академии открылась первая в городе магистерская программа «Регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина», которая разрабатывалась совместно с уполномоченным по правам человека в Санкт-Петербурге.

Уполномоченный и сотрудники аппарата регулярно встречаются со студентами и преподавателями ведущих петербургских университетов и институтов в рамках цикла «Диалоги о правах». С 5 по 12 декабря 2022 г. уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге и его представители провели правовые ликбезы в 13 образовательных учреждениях (вузах, ссузах и школах), двух благотворительных организациях и одном общественном пространстве города. Недельный правозащитный марафон был приурочен к Международному дню прав человека² и Дню Конституции России. Еще одним важным проектом уполномоченного по развитию у молодежи интереса к изучению актуальных вопросов правозащиты является Санкт-Петербургский студенческий конкурс «Права человека». В 2022 г. этот конкурс, который омбудсмен проводил при поддержке Комитета по науке и высшей школе и Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности, отметил свой десятилетний юбилей.

Весной 2022 г. при уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге был создан Молодежный совет. Одним из первых самостоятельно организованных и проведенных проектов Совета стала неделя противодействия травле взрослых людей в Интернете и другим формам онлайн-насилия «СтопКибербуллинг 18+». Совет также взял на себя градозащитные направления деятельности аппарата уполномоченного. В частности, проект омбудсмена «Культпоход», в рамках которого выясняет возможности доступа широкого круга горожан и туристов, а не только контролирующих органов, в дома-памятники, не являющиеся музеями, но представляющие историческую

² Международный день прав человека ежегодно отмечается 10 декабря. В этот день в 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека — важнейший международный документ о фундаментальных ценностях прав и свобод человека, к соблюдению которых должны стремиться все народы и государства. «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». С этих слов начинается Всеобщая декларация прав человека.

и культурную ценность для всех. Члены Совета, которые курируют теперь «Культпоход», занимаются проблематикой сохранения и реставрации элементов исторических зданий (в частности, витражей, дверей и окон), нелегальными экскурсиями в жилые дома-памятники, в том числе на крыши. А после посещения ими дачи Мюзера и дома Шауба к спасению этих аварийных объектов культурного наследия уполномоченный по правам человека привлек городскую прокуратуру и вице-губернатора Петербурга Н.В. Линченко.

Большинство молодых людей в составе Совета — будущие юристы. Они ведут бесплатные правовые консультации в юридических клиниках, участвуют в просветительских акциях уполномоченного (в Правовом марафоне для пенсионеров, в Дне прав человека в школах и вузах и др.), но главное — помогают конкретным людям. Из того, чем можно смело хвастаться: это помощь в получении жилья двумя

девочками — выпускницами детских домов; предоставление жизненно важного лекарства, которого не оказалось в социальных аптеках, ребенку из семьи мобилизованного; моральная и психологическая поддержка подвергшегося буллингу «по возрастному принципу» студента; расторжение договора пожизненной ренты пенсионеркой, которую ввели в заблуждение рентодатели. И список «добрых дел» членов Совета постоянно пополняется. В планах на 2023 г. продолжение недели «СтопКибербуллинг 18+», правовые ликбезы в школах, ссузах, вузах и психоневрологических интернатах, сотрудничество с НКО, помогающими людям из наиболее социально уязвимых групп. Сейчас в Совете 21 человек, но желающим присоединиться там всегда рады. Подойдут горожане от 18 до 35 лет, которые занимаются правозащитой, благотворительностью и общественной работой и чувствуют в себе силы на общественных началах помогать уполномоченному.

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

УДК 159.99

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_11

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ»

Д.С. Горбатов

СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Аннотация. Анализируются признаки феномена социальных манипуляций в отечественной психологии и коммуникативистике. Обосновывается, что большинство этих признаков сформулировано с методологическими ошибками (субъективизмом идентификации, принятием частного за общее или общего за уникальное). Постулируется целесообразность отказа от дальнейшей ориентации на признаки преднамеренности воздействий, скрытности воздействий от адресатов, личной выгоды манипуляторов, причинения вреда манипулируемому, искусности применения приемов, воздействия на бессознательное «мишеней» и проч. Предлагается уточненное понимание социальных манипуляций на основе концепции эвристических суждений Д. Канемана и А. Тверски. При этом социальные манипуляции рассматриваются как попытки информационного воздействия, выражающиеся в стимуляции других лиц к упрощенным, чрезмерно обобщенным и искаженным суждениям посредством субституции, некорректной подмены характеристик. Описываются процедуры и результаты эксперимента, направленного на выявление соотношения концептуальных полей изучаемого феномена. Констатируется, что результаты

Горбатов Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной социальной психологии и конфликтологии СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы». Адрес: Россия, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., д. 13. Электронный адрес: gorbatov.com@mail.ru.

экспериментального исследования «феномена эф» позволили установить значительное совпадение концептуальных полей двух трактовок социальных манипуляций — традиционной и новой, основанной на тезисе о стимулировании других к искаженным суждениям посредством субституции. Таким образом, получено доказательство избыточности большинства традиционно выделяемых признаков при решении практических задач по идентификации социальных манипуляций.

Ключевые слова: социальные манипуляции, субъективизм идентификации, принятие частного за общее, общего за уникальное, эвристические суждения, концепция субституции.

Введение

В отечественной научной литературе (Денисов, Хорошева, 2015; Доценко, 2000; Попова, 2005; Сергеева, 2010 и др.) психологическая природа концепта «социальные манипуляции» характеризуется на основе сочетания десяти критериев, представленных в таблице. Их изучение позволяет утверждать, что, во-первых, идентификация концепта зачастую осуществляется посредством субъективных, произвольно и безосновательно приписываемых

ему признаков; во-вторых, частное иногда выдается за общее — факультативные признаки социальных манипуляций, относящиеся к отдельным проявлениям, некорректно распространяются на феномен в целом; в-третьих, общее подчас трактуется как уникальное — ряд выделяемых признаков неспецифичен для манипулирования, характерен для информационных воздействий широкого спектра, в том числе и для противоположности — феномена убеждения (Горбатов, 2020).

Таблица 1

Методологические ошибки в определениях социальных манипуляций

Идентификационные критерии социальных манипуляций в научной литературе	Субъективность идентификации критерия	Факультативность выделяемого критерия	Неспецифичность критерия (на примере убеждения)
1 Преднамеренность реализации	+	+	+
2 Скрытность воздействия	+	+	-
3 Личная выгода инициатора	+	+	+
4 Причинение вреда адресату	+	+	+
5 Искусность воздействий на адресата	+	+	+
6 Сохранение у адресата иллюзии самостоятельного выбора	+	+	-
7 Воздействие на сферу бессознательного адресата	+	+	+
8 Установление внешнего контроля над адресатом	+	+	+
9 Ненасильственность воздействий	-	-	+
10 Искажение информации	-	-	-

Кратко прокомментируем материал, приведенный в таблице, где значок «+» обозначает наличие, а «-» — отсутствие той или иной методологической ошибки при идентификации феномена.

Возникают сомнения, что большинство рассматриваемых критериев поддается вполне объективной идентификации. Одни из них (преднамеренность реализации и нацеленность на личную выгоду) требуют проникновения чуть

ли не в сознание манипулятора, другие (скрытность воздействия, сохранение иллюзии самостоятельного выбора и влияние на сферу бессознательного) — непосредственно в «голову» манипулируемого, а третьи (причинение вреда, искусность применения приемов и установление контроля над другим человеком) — в психику наблюдателя, сумевшего детально разобраться в происходящем. Обоснования их наличия посредством самоотчетов респондентов

или интроспекции исследователей не выдерживают критики в силу чрезвычайной субъективности этих процедур. Фактически лишь критерии ненасильственности воздействия и искажения информации могут быть достоверно прослежены при изучении локальных актов манипулирования.

Многие критерии являются характерными не для всех социальных манипуляций, но лишь для части из них. В частности, естественность процесса хабитуализации, или «опривычивания», манипулятивных практик не позволяет утверждать, что их применение всегда остается преднамеренным для инициатора данной коммуникации. Обращение к опыту коммерческой рекламы и предвыборной агитации исключает из рассмотрения критерий скрытности социальных манипуляций, их неосознаваемости для адресатов воздействий: манипулятивная направленность рекламы и агитации в наше время априори очевидна для самых неискушенных. Далее, в практике учителя, священнослужителя, психолога или иного представителя «помогающих» профессий, иногда использующего манипулятивные приемы, не прослеживаются особая личная выгода, причинение адресатам вреда, непременная искусность воздействий или установление стороннего контроля над личностью и поведением путем воздействия на бессознательное. А если, добавим, специфика подобных влияний была обнаружена проницательным клиентом, то из перечня пропадут и критерии скрытности усилий, и иллюзии самостоятельного выбора. Таким образом, в число нефакультативных критериев социальных манипуляций попадают все те, что до этого были признаны пригодными для объективной идентификации концепта, — ненасильственность воздействий и искажение передаваемой информации.

В последней графе таблицы представлена констатация того, что критерии преднамеренности реализации, искусности воздействия, его ненасильственности в равной мере свойственны как социальным манипуляциям, так и убеждению, где основную роль играют аргументы и логика. Сюда же следует отнести и такой предельно неоднозначный критерий, как воздействие на сферу бессознательного: когда спорящие переходят на крик или сопровождают доводы чрезмерной жестикულიцией, они пытаются воздействовать отнюдь не на сознание оппонента. Не будем также утверждать, что убеждение всегда лишено потенциала причинения вреда убеждаемому, аспекта личной выгоды для убеждающего

или возможности для одной стороны делегировать контроль за своими действиями в определенной сфере. В то же время допустимо считать, что социальные манипуляции отличаются от убеждения тремя критериями — скрытностью воздействия, сохранением у адресата иллюзии свободного выбора и искажением передаваемой информации. Однако напомним, что первые два из этих критериев субъективны по природе и факультативны по проявлениям. Что касается последнего критерия, то остается неясным, о каких именно искажениях идет речь.

Конкретизация этого идентификационного критерия социальных манипуляций может быть произведена на основе концепции эвристических суждений, способов упрощенной обработки информации путем выделения единственной характеристики в качестве предопределяющей (Горбатов, 2020). По замечанию Д. Канемана (Канеман, 2019), когда ответ на неоднозначный вопрос неочевиден, решение нередко находится путем замены самого вопроса на более легкий и простой, если он субъективно воспринимается как имеющий некоторое отношение к исходному. Иначе говоря, сущностью эвристических суждений является феномен субституции («substitution», «подстановки»), заключающийся в том, что произвольный фактор, подчас несущественный или несуществующий, заменяет все остальные факторы, необходимые для взвешенных решений по оценке происходящего или прогнозу развития событий (Tversky, Kahneman, 1976).

Чем тогда социальные манипуляции отличаются от стереотипизаций, также имеющих в когнитивной основе эвристические суждения? В обоих случаях речь идет об оперировании обобщенными, упрощенными и неточными представлениями о действительности, однако социальные манипуляции следует рассматривать как экстрапсихический процесс, направленный на других лиц, а стереотипизации целесообразно определить как процесс интрапсихический.

Пропадают ли при подобной трактовке концепта те негативные коннотации, которыми социальные манипуляции привычно наделены в общественном сознании? Они переносятся на последствия манипулятивных приемов: сформировавшиеся при субституции неверные представления о действительности способны стать причинами не только персональных нарушений социальной адаптации, но и межгрупповых конфликтов, а также масштабных общественных катаклизмов.

По замечанию Ю.В. Пую (Пую, 2014), в практике отечественных исследований сложилось подчеркнuto негативное отношение к социальным манипуляциям, восприятие их не нейтральным объектом изучения, а пороком, который важно попутно заклеить и чуть ли не мимоходом обезвредить. Начиная с обличителей буржуазной пропаганды советских времен и до современных исследователей «информационных войн», в обсуждаемом концепте слишком часто видят то, что для него совсем не характерно или свойственно не только для него.

Экспериментальное исследование «феномена эф»: методология

Объектом исследования стал социально-манипулятивный потенциал новостных интернет-мемов, распространяющихся во всемирной компьютерной сети в виде креолизованных текстов.

Предметом исследования выступили идентификационные критерии концепта «социальные манипуляции», проявляющиеся в новостных интернет-мемах.

Целью исследования стало сопоставление концептуальных полей двух трактовок социальных манипуляций — традиционной, опирающейся на идентификационные критерии противоположности интересов инициатора манипуляции и ее адресата, скрытности воздействия, неосознаваемости «жертвой» внешнего контроля над своим сознанием, необъективности подачи информации, и альтернативной, предполагающей стимулирование других лиц к неверным суждениям посредством навязывания им субституции.

Метод исследования — социально-психологический эксперимент.

Гипотеза: концептуальные поля рассматриваемых трактовок социальных манипуляций в значительной мере совпадут, показателями чего станет высокая положительная, статистически достоверная корреляция результатов выполнения членами экспериментальной и контрольной групп идентичных заданий по различным инструкциям.

Контргипотеза: концептуальные поля рассматриваемых трактовок социальных манипуляций существенно различаются, показателями чего станет низкая положительная, статистически недостоверная корреляция или отрицательная корреляция результатов выполнения членами экспериментальной и контрольной

групп идентичных заданий по различным инструкциям.

Стимульный материал оформлялся в табличном виде в файле Microsoft Word. В левой графе один раз на страницу приводилась формулировка «феномена эф», средняя графа содержала порядковые номера, а правая — 25 новостных интернет-мемов, отобранных на основе таблиц случайных чисел из массива в 650 образцов, заимствованных из социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера Telegram за пять предшествующих месяцев. На каждой странице размещалось не более трех интернет-мемов.

Участники эксперимента. На условиях добровольного участия в выборку вошли 70 обучающихся в вузах города (52 студента бакалавриата СПбГИПСР очной и заочной форм обучения по направлению «Конфликтология», 8 студентов бакалавриата СПбГУ по направлению «Связи с общественностью», 10 магистрантов СПбГУ по программе «Журналистика»), из них 26 мужчин и 44 женщины. Средний возраст — 22,5 года. Состав экспериментальной и контрольной групп формировался попарным отбором с учетом специализации студентов, формы обучения, пола и возраста.

Независимой переменной явилось различие в инструкции по идентификации «феномена эф». В экспериментальной группе предлагалась его расшифровка на основе критериев стимулирования других к искаженным суждениям посредством субституции. В контрольной группе расшифровка осуществлялась на основе определения из автореферата диссертации Е.С. Поповой (Попова, 2005) с незначительным изменением. Отказ от использования термина «социальные манипуляции» осуществлялся в целях маскировки независимой переменной, необходимой для устранения фактора влияния на итоги работы негативных коннотаций понятия в общественном сознании.

Математико-статистическая обработка результатов предусматривала подсчет коэффициентов ранговой корреляции Ч. Спирмена (r_s), вычисление среднего (μ) и стандартного отклонения (σ). Расчеты производились с помощью скриптов (<https://www.psychol-ok.ru/statistics/spearman/> и <https://www.easycalculation.com/ru/statistics/standard-deviation.php>).

Методика исследования. Взаимодействие с участниками эксперимента осуществлялось дистанционно. Члены экспериментальной и контрольной групп получили по электронной почте два файла — со стимульным материалом

(комплексом новостных интернет-мемов) и инструкцией, различающейся в формулировке «феномена эф». На выполнение работы отводилось пять дней.

Членам экспериментальной группы феномен раскрывался следующим образом: «это попытки информационного воздействия, выражающиеся в стимуляции других лиц к упрощенным, обобщенным и искаженным суждениям путем вынесения на первый план несущественных или несуществующих признаков обсуждаемых явлений при игнорировании признаков, необходимых для взвешенных суждений». Членам контрольной группы была предложена традиционная для отечественных исследований расшифровка: «это скрытые информационные воздействия, направленные на достижение собственных целей субъекта воздействия, которые не совпадают с намерениями или противоречат желаниям и интересам объекта воздействия, при этом осуществляется неосознаваемый со стороны объекта контроль над его сознанием с помощью искаженной, необъективной подачи информации».

Участникам работы предлагалось, во-первых, выписать номера интернет-мемов, где «феномен эф» однозначно отсутствует; во-вторых, написать номера интернет-мемов, где они сомневаются в его наличии, не готовы дать окончательный ответ; в-третьих, записать номера интернет-мемов, где он, без сомнения, имеется. Для уменьшения вероятности необдуманных ответов в последнем случае им следовало придумать собственные наименования для обозначения специфики того или иного варианта проявлений феномена. Их отсутствие рассматривалось как уклонение от выполнения задания. Такие работы исключались из дальнейшего рассмотрения. В конце исследования испытуемых просили вернуться к «феномену эф» и самостоятельно обозначить его сущность подходящим термином.

Результаты исследования

Члены экспериментальной группы указали заметно большее количество интернет-мемов, где феномен, по их мнению, отсутствует (среднее 8,31 при стандартном отклонении 3,15), тогда как в контрольной группе зафиксировано $\mu = 6,91$ при $\sigma = 3,90$. Количество интернет-мемов, вызвавших сомнения и колебания участников, в обеих группах оказалось примерно одинаковым (в экспериментальной $\mu = 6,66$ при $\sigma = 3,42$, в контрольной $\mu = 6,0$ при $\sigma = 2,65$). Члены экспериментальной группы назвали меньшее

количество интернет-мемов, в которых обнаруживается данный феномен ($\mu = 9,71$ при $\sigma = 3,90$), а в контрольной группе, соответственно, были получены результаты $\mu = 11,43$ при $\sigma = 3,72$.

В ходе эксперимента была выявлена высокая положительная, статистически достоверная ранговая корреляция результатов выполнения членами двух уравновешенных по составу групп идентичных заданий, различавшихся формулировками «феномена эф». Коэффициент Ч. Спирмена (r_s) для ответов, отрицающих его проявления в каждом конкретном интернет-меме, оказался равен 0,736; для ответов, выражающих сомнения и колебания по тому или иному мему, он составил 0,837; для утвердительных ответов относительно присутствия феномена в одних и тех же интернет-мемах он был равен 0,813 (во всех случаях при $p \leq 0,01$). Таким образом, гипотеза получила подтверждение, контргипотеза отвергнута.

В контрольной группе 15 человек (42,9%) определили феномен именно как манипуляции. В экспериментальной группе такой идентификации не наблюдалось, однако в ней чаще использовались семантически сходные выражения («фальсификация», «продвижение мнений», «мем-пропаганда», «провокация», «одурачивание» и т. п. (37,1% vs 25,7% в контрольной группе)). В остальных случаях обозначение феномена производилось путем указания на последствия, т. е. определялась не сущность процесса, а его итоги.

Обсуждение результатов

Дистанционный характер эксперимента не позволил определить, в какой степени члены контрольной группы, идентифицировавшие «феномен эф» в качестве манипуляций, оставались самостоятельны в своих суждениях. Однако отметим, что более трети участников экспериментальной группы смогли подобрать достаточно близкие к манипуляциям выражения, не имея подсказок в Интернете.

Подсчет положительных и отрицательных ответов о наличии в интернет-мемах идентифицируемого феномена показал, что традиционное понимание социальных манипуляций вызвало некоторый «обвинительный уклон». Члены контрольной группы с заметно большей частотой, чем экспериментальной группы, регистрировали социальные манипуляции.

Итоги корреляционного анализа засвидетельствовали значительное совпадение концептуальных полей двух трактовок социальных

манипуляций — традиционной и альтернативной, основанной на тезисе о стимулировании других лиц к искаженным суждениям посредством субституции. Это дает основания предполагать, что участники эксперимента имели дело не с двумя разными «феноменами эф», а с одним. Иначе говоря, вполне возможно, что решения о его наличии или отсутствии члены экспериментальной и контрольной групп нередко принимали, исходя из одних и тех же идентификационных критериев.

О каких повторяющихся критериях идет речь? При адаптации к условиям эксперимента определения из автореферата диссертации Е.С. Поповой (Попова, 2005: 6), выражение «речевое» воздействие было заменено на «информационное», а также было исключено заключительное словосочетание «зафиксированной в тексте». С альтернативным пониманием концепта в нем совпадают лишь идентификационные критерии ориентации воздействия на других лиц и искаженности подачи информации. Другими словами, полученные коэффициенты ранговой корреляции итогов работы членов экспериментальной и контрольной групп позволяют предполагать, что критерии скрытности воздействия, наличия у его инициатора собственных целей, заведомой противоположности желаний и интересов сторон, а также неосознаваемости объектом манипулирования внешнего контроля над сознанием не имеют принципиального значения при идентификации концепта «социальные манипуляции». На практике без них можно обойтись, ориентируясь лишь на идентификационные критерии направленности информационного воздействия на других лиц и его искаженного характера как следствия навязывания субституции.

Заключение

1. Результаты теоретического анализа свидетельствуют, что большинство

идентификационных критериев концепта «социальные манипуляции» сформулировано с методологическими ошибками, а именно: субъективизмом выделения характеристик, смешиванием частного (факультативного) и общего (атрибутивного), интерпретацией общего на правах уникального. Представляется неоправданным применение в качестве идентификационных критериев преднамеренности таких воздействий, их скрытности от адресатов, личной выгоды инициаторов, причинения вреда, искусности применения приемов, сохранения иллюзии самостоятельного выбора, задействования сферы бессознательного, установления внешнего контроля над манипулируемым.

2. Для идентификации концепта представляется достаточной опора на два критерия: направленности социальных манипуляций вовне, на других лиц и искажения передаваемой информации (с последующей конкретизацией на основе концепции эвристических суждений Д. Канемана и А. Тверски). Предлагается понимание социальных манипуляций как попыток информационного воздействия, выражающихся в стимуляции других лиц к упрощенным, обобщенным и искаженным суждениям путем вынесения на первый план несущественных или несуществующих признаков обсуждаемых явлений при игнорировании признаков, необходимых для взвешенных суждений.

3. Результаты экспериментального исследования «феномена эф» выявили значительное совпадение концептуальных полей двух трактовок социальных манипуляций — традиционной и альтернативной. Таким образом, получено определенное доказательство избыточности большинства общепринятых критериев при решении практических задач по идентификации социальных манипуляций.

Библиографический список

- Горбатов Д.С. Социальные манипуляции в интернет-мемах: проблемы идентификации // Ученые записки СПбГИПСР. 2020. Т. 34. Вып. 2. С. 14–22.
- Денисов М.А., Хорошева Н.В. Проблема определения термина «манипулирование» в работах российских исследователей // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 94–101.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Юрайт, 2000. 342 с.
- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2019. 653 с.
- Попова Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.

Пую Ю.В. Традиционный взгляд на проблему манипуляции — актуален ли он в современном дискурсе // *Философия права*. 2014. № 2 (63). С. 34–37.

Сергеева З.Н. К вопросу об экспликации содержания понятия «социальное манипулирование» // *Идеи и идеалы*. 2010. Т. 2, № 2(4). С. 107–115.

Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // *Science. New Series*. 1974. Vol. 185, № 4157. P. 1124–1131.

Для цитирования. Горбатов Д.С. Экспериментальное исследование психологического содержания концепта «социальные манипуляции» // *Вестник социальной политики*. 2022. Т. 1, № 3. С. 11–18.

EMOTIONS IN ADOLESCENT SUICIDAL BEHAVIOR

D.S. Gorbatov

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Abstract. The signs of the phenomenon of social manipulation in domestic psychology and communicativism are analysed. It is substantiated that the majority of these signs are formulated with methodological errors (subjectivism of identification, taking the particular for the general or the general for the unique). The expediency of the refusal to continue focusing on the signs of premeditation, hiddenness of the effects from the addressees, personal gain of the manipulators, causing harm to the manipulated, the skill of the techniques, the impact on the unconscious of the “targets”, etc., is postulated. We propose a refined understanding of social manipulation based on D. Kahneman and A. Tversky’s concept of heuristic judgments. Social manipulations are viewed as attempts of informational influence, expressed in the stimulation of others to simplified, overgeneralized and distorted judgments through substitution, incorrect substitution of characteristics. The procedures and results of the experiment aimed at revealing the correlation of conceptual fields of the phenomenon in question are described. It is stated that the results of the experimental research of “phenomenon-eff” have revealed considerable correlation between conceptual fields of two interpretations of social manipulations — traditional and new, based on the thesis of inducing others to distorted judgments through substitution. This provides evidence for the redundancy of most of the traditionally distinguished attributes in solving the practical problems of identifying social manipulation.

Keywords: social manipulation, subjectivism of identification, mistaking the particular for the general, the general for the unique, heuristic judgements, concept of substitution.

References

Denisov, M.A., Khorosheva, N.V. (2015). Problema opredeleniya termina “manipulirovanie” v rabotah rossijskih issledovatelej [The Problem of Defining the Term ‘Manipulation’ in the Works of Russian Researchers]. *Political Linguistics*, 2(52), 94–101 (In Russian).

Dotsenko, E.L. (2000). *Psichologiya manipulyacii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow: CheRo, Yurite (In Russian).

Gorbatov, D.S. (2020). Social’nye manipulyacii v internet-memah: problemy identifikacii [Social manipulation in Internet memes: Problems of identification]. *Uchenye zapiski SPbGIPSR*, 34(2), 14–22 (In Russian).

Kahneman, D. (2019). *Dumaj medlenno... reshaj bistro* [Think slowly... Decide quickly]. Moscow: AST (In Russian).

Gorbatov Dmitry Sergeevich — Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Applied Social Psychology and Conflictology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Address: Russia, St. Petersburg, 12 V. O. line, 13. E-mail: gorbatov.com@mail.ru.

Popova, E.S. (2005). *Reklamnyj tekst i problemy manipuljacji* [Advertising text and problems of manipulation]. Autoref. diss. ... Candidate of Philological Sciences. Ekaterinburg (In Russian).

Puyu, Y.V. (2014). Tradicionnyj vzglyad na problemu manipuljacji — aktualen li on v sovremennom diskurse [Traditional view on the problem of manipulation — is it relevant in modern discourse]. *Philosophy of Law*, 2(63), 34–37 (In Russian).

Sergeyeva, Z.N. (2010). K voprosu ob eksplikacii sodержaniya ponyatiya “social’noe manipulirovanie” [To a question on explication of the content of the concept “social manipulation”]. *Ideas and ideals*, 2(4), 107–115 (In Russian).

Tversky, A., Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science. New Series*, 185(4157), 1124–1131.

For citing. Gorbatov, D.S. (2022). Eksperimental’noe issledovanie psihologicheskogo sodержaniya koncepta “social’nye manipuljacji” [Experimental study of the psychological content of the concept ‘social manipulation’]. *Vestnik socialnoy politiki*, 1(3), 11–18 (In Russian).

УДК 159.9
DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_19

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ДЕСТРУКТИВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ МАНИПУЛЯЦИЯМ

К.В. Романов

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования (СПБАППО)

Аннотация. В последнее время в общественном сознании, как и в социологии управления, все больший интерес вызывает вопрос о социальных каналах информационно-психологического давления (СМИ, Интернет, образовательные программы). Тревогу вызывает деструктивное манипулирование, которое получило название «манипуляторство». Суть социального манипуляторства заключается в применении организационных, психологических и других технологий для достижения целей, не свойственных объекту воздействия. Проблема состоит в уточнении методологических координат управления процессами социального противодействия деструктивному манипулированию. Для противодействия требуется: идеологическое определение национальных ценностей россиян, методологическое обоснование современного стиля мышления и способа поведения, выработка философских координат для поиска национального согласия. С 2022 г. ситуация в России меняется. И сегодня необходим гуманистический взгляд на конструктивные возможности России в новой реальности. Будущее за человеком гуманистического реализма, которого отличает мышление конструктивно-реалистическое, способ поведения гуманистический. Все деструктивные манипуляции теряют силу, когда при достаточной конструктивности и гибкости мышления человек совершенствует сценарий жизни на основе принятых духовно-нравственных норм. Конструктивный реализм россиян начинается с нового витка гуманистической веры: при непрерывном росте свобод и скоростей жизни мировоззренческий смысл самоопределения человека — в ценностях совести (духовно-нравственное начало), родины (традиционное начало), дела (польза для окружающих). Особое значение приобретает научно-исследовательская и диссертационная работа в этом направлении, а также модернизация программ повышения квалификации.

Ключевые слова: социальная манипуляция, информационно-психологическое давление, идеология, ценности, гуманистический реализм, конструктивный реализм.

Введение

В последнее время в общественном сознании, как и в социальной психологии, все больший

интерес вызывает вопрос о социальных каналах информационно-психологического давления (СМИ, Интернет, образовательные программы) (Казакова и др., 2020; Фирсов, 2015; Панкратов,

Романов Константин Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (СПБАППО). Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11–13. Электронный адрес: Romanov1kv@mail.ru.

2000). Тревогу вызывает деструктивное манипулирование, которое получило название «манипуляторство». В чем суть социального манипуляторства? В применении организационных, психологических и других технологий для достижения целей, не свойственных объекту воздействия. В качестве субъекта выступают государство, корпорации, социальные группы, влиятельные личности. Е.А. Васильева относит к социальной дискредитации четыре метода политологии в рекламе:

1. Упоминание феномена в негативном, социальном контексте.
2. Высмеивание ценностей авторов концепта.
3. Обобщение негатива автора концепта на всех членов социальной группы.
4. Противопоставление норм дискредитируемого гуманистическим ценностям (Васильева, 2015) (яркий пример — европейская неонацистская пропаганда сегодня).

Становится все более очевидным, что основными мишенями информационного воздействия становятся психические состояния, чувства и эмоции людей, а также их потребности и склонности. Заметны попытки манипуляции когнитивной сферой личности. Это такие экзистенциальные компоненты индивидуального сознания, как мировоззрение, убеждение и верования. Основной целью манипуляций становится философско-онтологическая основа личности — способ мышления, стиль поведения, привычки, умения, навыки, квалификация.

Проблема состоит в уточнении методологических координат управления процессами социального противодействия деструктивному манипулированию. Ситуация усугубляется потребностью осмысления опыта специальной военной операции 2022 г. в плане управления процессами противодействия деструктивным манипуляциям, число которых многократно возросло. Для противодействия требуется:

- 1) идеологическое определение национальных ценностей россиян;
- 2) выработка методологических координат для поиска национального согласия;
- 3) философское обоснование современного стиля мышления и способа поведения.

Идеологическое определение национальных ценностей россиян

Общенаучная методология России находится сегодня в непрестом положении. Ваковские

аналитики отмечают, что в ряде научных областей возникла ситуация рассогласования как поисков, так и результатов деятельности. Концептуальная методология представляет собой средство для достижения искомой цели. «В основе любой методологии соотношение сознания — слова — действия. В любой методологии три уровня: мировоззренческий — концептуально-проектный — технологический» (Романов, 2022). В истории наук мировоззренческий уровень всегда был связан с определенным кругом идей, представляющих понимание мира.

В последние десятилетия соотношение между ними менялись. Причем технологический уровень, позаимствованный на Западе, как правило, доминировал. С 2022 г. ситуация в России меняется.

Начался выход русского мира из состояния анабиоза. Сегодня необходим гуманистический взгляд на конструктивные возможности России в новой реальности.

Западный мир давно нашел средство собственного национального спасения — это вера в силу материального богатства. Культ мамоны.

ВЕРА опирается на менталитет народа. Автор концепции российской полиментальности, социальный психолог доктор психологических наук профессор В.Е. Семенов разработал типологию современных базовых ментальных типажей, в том числе российской молодежи (Семенов, 2020).

В основу классификации положены главные ценности-антиподы:

По вертикальной оси: Бог (Дух) — Идол (Вещь);

По горизонтальной оси: Общество (Мы) — Индивид (Я).

Семенов выделил 5 типов менталитета российской молодежи. Это молодой **православный человек; молодой «левый»** (коммунист или социалист); молодой **индивидуалист-прагматик (либерал новой формации)**; участник **«теневых», криминальных сообществ** (например, автономное уголовное единство — АУЕ от барыги до хулигана, от бандита до душегуба), а также представитель псевдоменталитета с **мозаично-эклетицистским умонастроением** (циник).

Пять типажей, за которыми легко угадывается любой из представителей молодежных культур, альтернативных культур и контркультур.

С нашей точки зрения, стоит выделить **шестой тип: молодой интеллигент**, вестник интеллектуально-нравственного духа своих наставников — ученых и управленцев, инженеров,

деятели культуры и искусства, педагогов, врачей, военспецов, которых всегда отличали высокий патриотизм и гражданственность. Новое время добавляет к ним епископов и иереев, банкиров и предпринимателей.

Главный вопрос, который при этом встает: как совместить три базовых российских менталитета друг с другом (православный, «левый», интеллигентный) и с остальными (прагматик, барыга, циник), которые никуда не исчезнут, а лишь будут видоизменяться и приспособливаться в случае длительной конфронтации с миром культа мамоны и материальных богатств?

Какая идея может оказаться общей национальной ценностью для всех россиян? Наша версия: ценность, прямо противоположная англо-американскому идеалу, вырабатывается в национальном сознании россиян с эпохи Александра Невского. Это **ценность «силы в правде»**, у истоков которой стоит требование **социальной справедливости**.

Данная идея вырастает из признания **приоритета блага гармонии** личности, общества и власти над **искусом игры в различные богатства** (Романов, 2019: 112).

XX в. закончился торжеством идеологии гуманизма над авторитаризмом. Второе десятилетие нового тысячелетия ознаменовано откатом обратно к авторитаризму в США и Западной Европе. В XXI в. либо мир примет идею блага гармонии в противовес искусству игры, либо начнется эра «трансчеловеков»-кочевников (Фирсов против миропонимания Шваба).

Подчеркивая значимость доверия населения к социальным ролям представителей общества и власти, Е.А. Васильева обращает внимание на тот факт, что «управление социальными институтами заключается именно в формировании норм, ценностей и ролей, которые организуют общественную жизнь» (Васильева, 2015: 178). Представляется, что идея приоритета блага гармонии над искусством игры, рассмотренная в качестве национальной ценности, вполне может быть предложена для обсуждения в качестве символа доверия населения по вопросам социальной справедливости.

Выработка методологических координат для поиска национального согласия

Особенности эволюции методологии науки. Любая научная методология строится на основе рационального отношения к действительности. В последней трети ушедшего столетия призна-

ние историчности разума и его несводимость к традиционным стройным канонам познания привело к выделению трех типов рациональности — классического — неклассического — неонеклассического.

Первый тип рациональности в классической философии обусловлен ведущим принципом *субстанциализма* — «признание присутствия в мире неразложимой, вечной, несотворенной, неизменной, самодостаточной сущности (субстанции) мира и человека как части этого мира». Ему соответствуют принципы: объективности, детерминизма, монизма, универсализма, историзма и онтологизма.

Второй тип рациональности в неклассической философии обусловлен в качестве ведущего принципом *антропологизма* — «будучи единственным творцом и творением культуры, человек не может делегировать ответственность за результаты своей деятельности никакому трансцендентному (надчеловеческому) целому, никому и ничему». В неклассической философии ему соответствуют принципы: субъектности, феноменализма, методологизма, гносеологизма, историзма и относительности истины (Романов, 2019: 18, 21–22).

Третий тип рациональности в неонеклассической философии обусловлен принципом *социокультурности*. Здесь особо выделяются *аксиологические и коммуникационные аспекты* исследования эмпирических явлений с учетом того контекста, в котором они существуют. В отечественной литературе последних десятилетий этот принцип в той или иной мере нашел отражение в трудах наиболее заметных научно-философских школ.

В.С. Степин обратил внимание на ряд отличий отечественных подходов от западных при рассмотрении особенностей смены исторических типов научной рациональности (позитивизм, эмпириокритицизм, неопозитивизм, философия науки второй половины XX в.). Первое. Нашим ученым удалось создать категориальные матрицы научного исследования, которые раскрывают эвристическую и обосновывающую функции рождения новых идей. Второе. В отечественных работах раскрыта связь теоретического знания с тремя типами научных картин мира. Третье. При построении теорий показаны преимущества генетически-конструктивного метода по сравнению с гипотетико-дедуктивным. Четвертое. «Наши исследователи открыли... ранее не описанную в зарубежной философии процедуру конструктивного обоснования гипотетических

моделей». Удалось снять формально-логические противоречия между логикой открытия и логикой обоснования, связанных с междисциплинарными «парадигмальными» прививками. Шестое. Анализ научных революций был увязан и изучением исторических типов рациональности по критериям специфики системных объектов и фундаментальных ценностей социокультурного контекста (Степин, 2015: 615–616).

Выдвинутые В.С. Степиным идеи позволяют определить вектор исторической смены парадигм как нелинейную преемственность типов научного познания. Смену философских парадигм можно представить в виде перевернутого треугольника. Нижняя часть — классика, средняя часть — неклассика — верхняя неонеклассика. Закономерность состоит в том, что все основные достижения парадигм нижних частей, в той мере, в которой они служат творческим импульсом, сохраняют свое значение для верхних частей. Попытки противопоставления этих парадигм интересны в логическом плане, но бессмысленны в плане признания непрерывности исторического процесса развития науки. Любая парадигма представляет собой кирпичик в фундаменте здания науки.

В России сложился ряд методологических направлений. Синергетика сложных саморазвивающихся систем (С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева, В.Г. Буданов, М.С. Каган, В.П. Бранский), универсальный эволюционизм и эпистемологический конструктивный реализм (В.С. Степин), панметодологизм (Г.П. Щедровицкий), реализм (В.Л. Обухов, Р.А. Зобов, Л.И. Сугакова), ноосферный прорыв человечества (А.И. Субетто), конструктивный гуманистический реализм (В.В. Лекторский).

Проблематика трансдисциплинарного мышления. Большинство предсказаний будущего сегодня проходят через осмысление категорий трансчеловечества, трансчеловека и постчеловека. Версия главного редактора журнала «Ценности и смыслы» С.В. Ивановой: «У человечества впереди имеется два пути: первый — постчеловек будет неким верхом совершенства, соединяющим возможности природного и машинного, не знающим старения, боли, страданий (отрицая Будду и Достоевского, как хотите) и умеющим жить во благо других (категорический императив И. Канта не исчезает!), второй — постчеловек предстанет киборгом, смешением естественного и искусственного, понимающим вопросы прагматичности, но не блага и заботы» (Иванова, 2021: 17).

В этой весьма логичной версии не учитывается одно важное обстоятельство. Человек вне страданий и смерти в конце жизненного пути равен 000! Поэтому с позиций философии конструктивного гуманистического реализма можно говорить о трех вариантах выбора своего сценария. «Перед человеком сегодня три варианта свободного выбора своего статуса: человек инстинкта, **человек гуманистического реализма**, трансчеловек (сверхчеловек). Человек трансгуманизма — это сверхчеловек, возмнивший себя полубогом над биороботами и суррогатами» (Романов, 2019: 148).

Будущее за человеком гуманистического реализма: мышление конструктивно-реалистическое, способ поведения гуманистический.

Что в идеологии обновляемой России содействует становлению этого типа личности?

В советской культуре цель образования состояла во всестороннем развитии гармоничного человека. В конце 90-х гг. XX в. — в воспитании культурного потребителя. Сейчас возвращаемся к всесторонне развитому человеку. При всей позитивности идеи, заложенной в таком подходе, есть недостаток, который обнаружился во второй половине 1980-х гг. Это абстрактная оторванность от национальной реальности.

Может быть, с учетом национальных корней правильнее ставить вопрос о всестороннем развитии благодатно гармоничного человека дела, способного к ответственным и полезным поступкам в коллективе?

Выступая 27 июня 2022 г. в Государственной думе, министр науки и высшего образования В.Н. Фальков отметил, что «для успешного развития системы образования необходимо уделить внимание всем его ступеням — от школы до вуза». Он выделил ключевые принципы новой системы национального высшего образования: **направленность — открытость — фундаментальность — гибкость — практичность.**

Императивы перемен:

1. Императив направленности и открытости предполагает анализ технологий образовательного процесса с учетом изменений в поликультурном пространстве.

Вертикальная ось смыслов: метатекст — место человека. Горизонтальная ось геолокации: системы образования — урок.

Метатекст для наших школьников и студентов — это ФГОСы, определяющие ориентиры содержания образования. Место человека — та локация, в которой возможен контакт с источником информации для образования

и самообразования. Системы образования — образовательные программы специальной организации (детский сад, школа, колледж, лицей, университет, лекториум, интернет-канал). Урок, в дальнейшем учебная ситуация — процесс активного обучения.

2. Императив фундаментальности. Одаренность отличает каждого ребенка с раннего детства. Но не каждому ее суждено развить в талант. Не в каждой школе и вузе анализируется атмосфера их поддержки. И школа, и вуз сталкиваются с двумя проблемами: а) последовательность получения знаний в соответствии с имеющимся багажом знаний и опыта; б) соотношение общекультурного образования и специального, в дальнейшем профессионального. Погоня за яркими талантами, как в спорте, приводит к потере поддержки «непрофильных» одаренных. Заслуживает внимания опыт клубных форм работы, литературно-музыкальных гостиных с приглашением интересных артистов, писателей, ученых, иереев, работников Государственного Эрмитажа, Русского и других музеев, а также обсуждением читаемых книг (в противовес клиповому мышлению).

3. Императив практичности. Образование должно быть востребовано. Каждый вуз курирует 10–15 школ, колледжи, лицеи и десятки профильных предприятий. (Школа активно сотрудничает с несколькими вузами, колледжами и лицеями.) При каждой школе могут быть открыты семейные просветительские клубы для родителей и попечителей. Возможно, заслуживает внимания опыт дискуссионных площадок под руководством опытных наставников.

Философское обоснование современного стиля мышления и способа поведения

Философия конструктивного гуманистического реализма России последнего десятилетия становится базовой ценностью в развитии содержания образования. У ее истоков стоят труды академиков В.С. Степина (Философы..., 2017: 418–422), В.А. Лекторского, «Манифест реалистической философии» петербургских ученых В.Л. Обухова, Р.А. Зобова, Л.И. Сугаковой, коллективная монография «Философские основы современного образования» под редакцией К.В. Романова.

Гуманистический конструктивный реализм в философии культуры В.А. Лекторского складывается в начале XXI в. Фактологическую базу данного направления составили работы в области синергетики, психологии, нейрофизиологии,

антропологии, культурологии, социологии, истории и философии наук (Лекторский, 2018). Данное направление оказалось весьма созвучно пониманию сущности образования как усвоения учеником целостного человеческого опыта (В.В. Краевский, В.С. Леднев, М.И. Скоткин и др.). В основу содержания образования были положены система знаний о мире; система способов деятельности, отраженная в виде умений и навыков; опыт творческой деятельности в виде методов познания и истории открытий; опыт эмоционально-ценностного отношения к миру.

Важнейшим компонентом социального регулирования является моральная философия и духовно-нравственные ценности. Сегодня актуальна системная проработка соотношения норм Морального кодекса строителя коммунизма с христианскими заповедями (Ветхого и Нового заветов), с 10 заповедями академика Лихачева, а также с уставными требованиями образовательных организаций. Смысл 10-й заповеди Лихачева — «Пусть свободным будет все, ибо все рождается свободным», ставшей лейтмотивом всех постнеклассических цивилизаций, его можно понять лишь с учетом ограничений предыдущих девяти норм. Для «клипового сознания» это обременительно.

Все деструктивные манипуляции, и особенно фейки, теряют силу, когда при достаточной конструктивности и гибкости мышления человек совершенствует сценарий жизни на основе принятых духовно-нравственных норм. Конструктивный реализм россиян начинается с нового витка гуманистической веры: непрерывный рост свобод и скоростей жизни в реальном и виртуальном пространствах требует укрепления мировоззренческого самоопределения человека. Это ценности:

- совести (духовно-нравственное начало);
- родины (традиционное начало — род, семья);
- дела (польза для окружающих и себя).

В сфере социальной поддержки населения встает вопрос о противодействии манипуляциям в сфере фейков. Помимо той большой работы, которая ведется сегодня каналами СМИ, важно создание клуба общения для социальных работников. Это вполне может быть поставлено в ряд мероприятий по повышению квалификации и переобучению слушателей.

Особое значение приобретает научно-исследовательская и диссертационная работа в этом направлении, а также модернизация программ повышения квалификации.

Библиографический список

- Васильева Е.А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: дисс. ... докт. соц. наук. СПб., 2015.
- Иванова С.В. Постгуманизм vs гуманизация образования // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С. 6–24.
- Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи. СПб.: СПбГУП, 2018. 640 с.
- Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. М.: Изд-во Института психотерапии, 2000.
- Психология социальной работы / Под ред. Т.В. Казакова и др. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020.
- Романов К.В. Мирозрение как основа методологии поиска гармонии // Научные труды Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Выпуск 5. СПб.: СПбГИПСР, 2022.
- Романов К.В. и др. Философские основы современного образования: коллективная монография. СПб.: СПБАППО, 2019. 240 с.
- Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 479 с.
- Семенов В.Е. Тенденции изменений ценностно-ментальных типов российской молодежи // Родная Ладога. 2020. № 3. С. 93–94.
- Степин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 710 с.
- Философы современной России. Энциклопедический словарь. М.: Энциклопедист-Максимум, 2017. 526 с.
- Фирсов М.В. Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики. М.: Юрайт, 2015. 390 с.

Для цитирования. Романов К.В. Методологические аспекты управления противодействием деструктивным социальным манипуляциям // Вестник социальной политики. 2022. Т. 1, № 3. С.19–25.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MANAGING COUNTERACTING DESTRUCTIVE SOCIAL MANIPULATION

K. V. Romanov

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education

Abstract. Recently, the issue of social channels of information and psychological pressure (media, Internet, educational programmes) has been of growing interest in the public consciousness, as well as in sociology of governance. What is of concern is destructive manipulation, which has been called manipulation. The essence of social manipulation is the use of organisational, psychological and other techniques to achieve goals that are not inherent to the object of influence. The problem is to clarify the methodological coordinates for managing the processes of social counteraction to destructive manipulation. Counteraction requires: ideological definition of the national values of the Russians, methodological justification of the modern style of thinking and way of behavior, development of philosophical coordinates for the search of national consensus. From 2022 the situation in Russia is changing. And today we need a humanistic view of Russia's constructive possibilities in the new reality. The future belongs to the humanist realist person, who is characterized by constructive-realist thinking and a humanist way of behaving. All destructive manipulations lose force when, with sufficient constructive and flexible thinking, a person perfects a scenario of life based on accepted spiritual and moral norms. The constructive realism of Russians begins with a new round of humanistic faith: with the continuous growth of freedoms and the speed of life, the worldview meaning of human self-determination is in the

values of Conscience (spiritual and moral beginning), Motherland (traditional beginning) and Work (usefulness for others). Research and dissertation work in this direction, as well as the modernisation of professional development programmes, are of particular importance.

Keywords: social manipulation, information and psychological pressure, ideology, values, humanistic realism, constructive realism.

References

Filosofy sovrem0iem destruktivnym social'nym manipulyaciyam [Methodological aspects of managing counteracting destructive social manipulation]. *Vestnik socialnoy politiki*, 1(3), 19–25 (In Russian).

УДК 159.99

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_26

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.С. Безносков

Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы

Аннотация. Правовое сознание является одним из видов общественного сознания и включает знание о праве, правовых нормах, отношении к праву, готовность к правопослушному поведению. Отношение к праву характеризует уровень развития правового сознания и может быть позитивным (правовой реализм) или негативным (правовой нигилизм). Современные средства массовой коммуникации, особенно интернет-сети, оказывают существенное влияние на формирование правового сознания. Наше общество подвергается информационным атакам, правовое сознание граждан заполняется непроверенной, негативной информацией в виде слухов и фейков. Д.С. Горбатов отмечает, что слухами необходимо считать официально не подтвержденные сведения. Передаются слухи исключительно в процессе устной коммуникации, источник информации, как правило, не называется. Фейки преднамеренно распространяются по информационным сетям и представляют собой сведения о событиях, которые не подтверждаются фактами. Задачей фейков является целенаправленное воздействие на правовое сознание тех людей, у которых не сформировалось развитого позитивного правового сознания. Фейки — это злонамеренное распространение ложной информации с целью дискредитации правоохранительных органов и системы власти. Фейк является явной дезинформацией, воздействующей на эмоциональное состояние человека, у которого нет возможностей проверить истину. Выделены четыре основных социально-психологических способа противодействия деструктивным воздействиям: 1) создание атмосферы доверия правоохранительным органам, вооруженным силам, органам власти и проводимой социальной политики; 2) формирование позитивного отношения к праву, прежде всего у молодежи, воспитание правового реализма и уважения к существующей правовой системе; 3) обучение людей ассертивности как умению и способности защищать свои права и интересы при уважении прав и интересов противоположной стороны. Обучение ассертивности включает получение правовых знаний и навыков грамотной коммуникации в правовой сфере.

Ключевые слова: правовое сознание, слухи, фейк, информационные угрозы, деструктивные воздействия, доверие, ассертивность.

Понятие «правовые отношения» становится ключевой категорией юридической науки с конца XIX в. Правовые отношения являются разновидностью социальных отношений. Социальные отношения представляют собой широкий спектр отношений, включающий

Безносков Дмитрий Сергеевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления социальной сферой СПбГИПСР (Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы). Адрес: Россия, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., д. 13.

межэтнические, межкультурные, межгосударственные, межличностные и прочие отношения. Все социальные отношения регулируются социальными нормами. Различия между социальными и правовыми отношениями заключаются в том, что правовые отношения определяются исключительно юридическими нормами.

Субъектами правовых отношений становятся юридические или физические лица, являющиеся носителями юридических прав и обязанностей. Правовые отношения формируются на основе требований норм права, в основе которых заложены юридические факты общественных отношений.

По мнению Н.И. Полищука, при изучении правовых отношений необходимо учитывать психологические особенности правового поведения. Динамику правовых отношений, их возникновение, изменение и завершение определяет мотивационно-волевая сфера личности. Правовое поведение людей зависит от общественных и правовых отношений (Полищук, 2005: 136). Показателем степени эффективности работы правовой системы общества является уровень правового сознания и правового поведения.

Признаки правовых отношений: 1) наделение субъектов взаимодействия взаимными правами и обязанностями; 2) детерминированность интересами и реальными взаимоотношениями людей; 3) регулирование поведения системой норм права; 4) характеризуются осознанным отношением к праву; 5) для реализации правовых отношений необходимо волевое усилие участников правового взаимодействия; 6) персонифицированность правовых отношений, поскольку их носителями всегда являются конкретные люди; 7) гарантированность системы правовых отношений со стороны государства (см.: Полищук, 2005: 136).

Феномен правовых отношений можно анализировать с точки зрения естественного или позитивного права. В аспекте естественного права правовые отношения приобретают широкий смысл. Они рассматриваются как спонтанно возникающие виды социального взаимодействия, в ходе которого участники взаимодействия договариваются о нормах и правилах поведения в сообществе. В аспекте позитивного права правовые отношения регулируются нормами права, законодательно утвержденными государством (Афанасьев, Гранат, 2000: 225).

Результатом воздействия норм права на общественные общения являются отношения правовые, которые регулируют базовые составляющие общественных отношений. По мнению

С.С. Алексеева, процесс правового регулирования проходит три стадии. На первой стадии осуществляется регламентирование общественных отношений. На второй стадии в действие вступают юридические нормы в каждой конкретной социальной ситуации. На третьей стадии субъекты правовых отношений реализуют свои права и обязанности (Алексеев, 1972: 153–157).

А.Г. Фастов отмечает, что правовые отношения представляют собой основной способ воздействия государственной власти на деятельность и поведение людей. Это воздействие осуществляется посредством правовых норм, поэтому правовые отношения, кроме регулирующей, выполняют также и управленческую функцию (см.: Фастов, 2009: 3).

В юриспруденции не существует единого мнения об определении понятия «правовые отношения». Так, Ю.К. Толстой считал, что это связь субъектов с правами и обязанностями (Толстой, 1966: 57). Р.О. Халфина определяла правовые отношения как результат действия правовой нормы (Халфина, 1974). Ю.Г. Ткаченко называл правовые отношения системой субъективных прав и юридических обязанностей членов общества (Ткаченко, 1980). Н.И. Полищук, анализируя понятие «правовые отношения», считал, что они возникают в соответствии с требованиями норм права на основе юридических фактов. Участники правовых отношений наделены охраняемой и гарантированной государством юридической деликтноспособностью (Полищук, 1995: 136). Ю.И. Гревцов подчеркивал, что правовые отношения представляют собой реальное взаимодействие субъектов права, осуществляемое в их интересах с целью достижения желаемого результата (Гревцов, 1998: 279).

П.П. Серков перечисляет следующие виды правовых отношений:

- общерегуляционные;
- процессуальные;
- административные;
- конституционные;
- финансовые;
- налоговые;
- правоотношения в связи с юридической ответственностью;
- трудовые;
- брачные и семейные;
- гражданские;
- жилищные;
- регулятивные и охранительные правоотношения;

- правоотношения активного и пассивного типа;
- правоотношения в различных отраслях права и т. д. (Серков, 2018: 8, 953).

В структуру правовых отношений П.П. Серков включает социально-психологические феномены: а) субъективные потребности и цели субъектов правовых отношения; б) объекты правовых отношений; в) правовые статусы; г) субъективные права и обязанности (Серков, 2018: 8). По его мнению, отрегулированные правовые отношения благоприятно влияют на социальную жизнь, что сказывается на доверии субъектов друг к другу и системе власти, уверенности граждан в правильности выбранного государством политического и экономического курса, обеспечении общественного договора (Серков, 2018: 1023).

Правовые отношения формируются на основе правовых норм. Н.И. Матузов выделял два вида правовых норм — регулятивные и охранительные (Матузов, 1984). Регулятивные правовые нормы указывают на субъективные юридические права и обязанности, которые не связаны с правовой ответственностью или защитой права. На их основе на законных основаниях возникают регулятивные отношения — имущественные, семейно-брачные, государственно-правовые. Они составляют основу правопорядка, в их реализации заинтересовано общество.

Н.И. Полищук считает, что эффективность правовых норм отражается на регулятивных правовых отношениях. Они предоставляют возможность оценивать соответствие принятого законодательства современным требованиям общественных отношений. Степень развития в государстве регулятивных правоотношений свидетельствует о количестве правонарушений, стабильности правопорядка, эффективности применения правовых норм.

Предназначение охранительных правовых норм связано с регуляцией неправомерного поведения граждан и деформацией общественных отношений. В задачи охранительных правовых норм входит защита существующего в обществе правопорядка, наказание виновных в правонарушениях. Охранительные правовые нормы включают серьезные санкции, такие как привлечение к судебной ответственности, возмещение пострадавшим причиненного ущерба, административную и уголовную ответственности, вплоть до лишения свободы (Полищук, 2015: 181–185).

Уголовно-правовые нормы имеют двучленное строение. Они включают регулятивные и охранительные нормы. Регулятивная норма устанавливает запрет на противоправное поведение, а охранительная норма определяет меру ответственности за нарушение предписаний. Правовые нормы призваны выполнять функцию превенции поведения, регулировать общественные отношения и охранять членов общества от нарушителей правопорядка.

В юридической науке выделяются также обязывающие нормы, предназначенные для определения обязанности граждан или сотрудников правоохранительных органов совершать конкретные правовые действия. Согласно уголовному праву, бездействие или невыполнение должностными лицами своих обязанностей может караться по закону (Полищук, 2005: 131).

Правовые отношения подразделяются в правоведении на материально-правовые и процессуальные. Материальные правовые отношения опираются на нормы материального права, регулирующие общественные отношения, определяющие государственный строй, формы собственности, устанавливающие права и обязанности субъектов, определяющие статус и структуру государственных органов (Полищук, 2005: 132).

Нормы процессуального права занимают подчиненное положение и предназначены для обеспечения предписаний норм материального права (Алексеев, 1964: 137). Государство уполномочивает определенную категорию людей на реализацию и правоприменение норм процессуального права.

В последнее время на правовые отношения и правовое сознание членов нашего общества оказывается сильное деструктивное воздействие со стороны некоторых информационных каналов сети Интернет. Подобное воздействие приводит к деформации правового сознания, что может способствовать нарушению юридически оформленных правовых отношений. В юридической психологии, как прикладной отрасли психологической науки, исследование правового сознания и правовых отношений стало центральной проблемой с конца XIX в. Правовое сознание включено в сложную структуру общественного сознания, пронизывает все его сферы и отражает направленность общества на соблюдение и защиту своих прав и интересов. В совокупности с другими видами общественного сознания правовое сознание обеспечивает единство и консолидацию общества в решении важнейших жизненных проблем. Правовое сознание включает

следующие компоненты: правовое знание, отношение к праву (правовой реализм) и готовность соблюдать правовые нормы. Изучение правового сознания проводится с позиций междисциплинарного анализа и использует комплексный и системный подходы, разработанные в современной психологической науке. Правовое сознание направлено отражение правовой реальности. Эта сфера сознания нацелена на формирование правовых знаний и оценочных суждений, социально-правовых установок и ценностных ориентаций.

Постепенно на основе правового сознания формируются правовые отношения, которые посредством правовых норм регулируют правовое поведение членов общества. В результате возникает правовая культура членов общества, представляющая собой конструирование нормативной регуляции социальной реальности. Система построения правовых отношений соответствует формуле: «философия права — нормы права — правовое сознание — правовые отношения». В философской науке эта система соответствует представлениям о «воображаемом — должном — осознанном — реальном». Воображаемую, идеальную сторону изучает философия права. Должная, нормативная сторона находится в центре внимания юриспруденции. Правовое сознание и правовые отношения анализируются юридической психологией.

В современном обществе правовая деятельность основана на развитом правовом сознании граждан. Формирование правового сознания происходит под влиянием множества факторов — экономических, социально-политических, культурных, ценностных, информационных и т. д. Правовая система отражается в правовом сознании личности, различных социальных групп, общества в целом. В правовом сознании представлено не только знание основ права, но и оценка существующего права, правовые установки как готовность соблюдать правовые нормы. Важно также общественное представление о необходимости и возможности коррекции правовой системы.

Правовое сознание является субъективным феноменом. Поскольку оно представляет собой не только результат отражения правовых норм субъектом правового взаимодействия, оно является также средством влияния на объект — личность как носителя различных социальных представлений, образов, аттитюдов, стереотипов поведения, культурных обычаев и традиций.

Члены общества в процессе социализации усваивают ценности, социальные и правовые нормы, созданные предшествующими поколениями. Только интериоризируя и осозная цели, нормы и ценности общества, человек может стать полноправным субъектом права.

В задачу научных исследований в области юридической психологии входит выявление влияния правового сознания на общественную практику, жизнь, деятельность и поведение граждан. Основные направления психологической работы с различными аспектами правового сознания включают: а) формирование представлений о государственно-правовой организации общества; б) регулирование правовых отношений и правовой деятельности субъектов права; в) обеспечение правопослушного поведения членов общества; г) профилактику девиантного поведения; д) исправление искажений правового сознания у отдельных членов общества.

Изучение правового сознания может осуществляться на общепсихологическом и социально-психологическом уровнях. На общепсихологическом уровне правовое сознание включает совокупность эмоций, переживаний, чувств, настроений, стереотипов поведения, навыков, привычек, представлений о нормах права и правовом поведении. На социально-психологическом уровне рассматривается, как эта совокупность психологических феноменов дает возможность человеку на правовой основе регулировать свои отношения с окружающими людьми и государственными структурами, ориентироваться в правовых нормах, осуществлять правовую деятельность.

В структуре правового сознания важное место отводится системе отношений человека к действующему в обществе праву и правопорядку. В социально-психологической науке отношения рассматриваются как целостные образования, которые не могут состоять из отдельных фрагментов, например таких, как знание отдельных положений закона или правовых ориентаций. Отношения характеризуются одновременно рациональностью, эмоциональностью и готовностью к правопослушному поведению. Рациональность проявляется в знании и оценке существующего права. Эмоциональность отражается в принятии норм права и лояльности законодательству. Люди оценивают систему права и правовые нормы с точки зрения моральных категорий «добро — зло», «справедливость — несправедливость», «обязанность — необязательность»,

«честь — нечестность», «совесть — бессовестность».

В содержание правового сознания входит оценка действий людей и существующих общественных отношений. Оценка опирается на общепризнанные социальные представления о правовых нормах, о правах и обязанностях граждан, о правовых отношениях и установленном порядке, о правонарушениях и преступлениях, о справедливом наказании, о мерах предотвращения преступности.

Развитое правовое сознание выражается в правовом реализме и предохраняет человека от деструктивного воздействия непроверенной информации, которая не подтверждена фактами. Такая информация может постоянно появляться в некоторых средствах массовой информации, особенно в Интернет-сети.

Развитие современного общества сопровождается постоянными изменениями информационных технологий. В формировании правового сознания человека, в его отношении к правовой системе существенную роль играет информация, передаваемая средствами массовой коммуникации и Интернет-сети. В последнее время наше общество подвергается постоянным информационным атакам. Правовое сознание граждан перегружено непроверенной, негативной информацией в виде слухов и фейков.

Слухи являются сведениями, которые не подтверждаются реальными фактами, но активно обсуждаются людьми. Слухи передаются по неформальным каналам коммуникации, распространяются в процессе бесед одного человека с другими людьми. Фейки — это сведения о событиях, которые не соответствуют фактам и не обеспечены аргументированными доказательствами, специально распространяемые по информационным сетям. Целью фейков является целенаправленное разрушение правового сознания тех граждан общества, у которых отсутствует устойчивое и развитое правовое сознание. Фейки отличаются от слухов тем, что это злонамеренное распространение ложной информации. Их цель состоит в дискредитации правоохранительных органов и системы власти. Фейк является явной дезинформацией, воздействующей на эмоциональное состояние человека, у которого нет возможностей проверить истину. Посредством фейков формируются ложные социальные представления и негативные оценки.

Д.С. Горбатов отмечает, что слухи — это официально не подтвержденные сведения, которые передаются в устной форме, причем

ссылки на источники информации отсутствуют. Анонимность источника информации не позволяет предъявить иск об ответственности за распространение таких сведений. Основная характеристика слухов состоит в том, что люди обсуждают полученную информацию в процессе непосредственной межличностной коммуникации. Обсуждение слухов необходимо людям для осмысления и понимания возникшей ситуации. Слухи появляются в случае невозможности проверки и подтверждения информации, когда источник информации неизвестен или недоступен, однако информация является значимой для собеседников, когда неопределенность ситуации высока и выход из нее не ясен (Горбатов, 2012).

В настоящее время актуальным становится вопрос о социально-психологическом противодействии деструктивным информационным воздействиям, разрушающим правовые отношения и правовое сознание. Правовое сознание членов общества может располагаться в континууме от правового реализма до правового нигилизма. Правовой реализм характеризует зрелое правовое сознание, позитивное отношение к праву, знание законодательства и готовность к правопослушному поведению. Правовой нигилизм отличается негативным отношением к праву, склонностью к противоправному поведению.

В настоящее время против нашей страны ведутся не только боевые действия, но и информационная психологическая война (information and psychological warfare). Эта война направлена на уничтожение способности людей адекватно оценивать ситуацию, на изменение сознания, особенно правового. В 2016 г. принята Доктрина информационной безопасности России, предназначенная для целей противодействия информационным угрозам (Указ Президента РФ, 2016). Интенсивные информационные атаки перегружены негативной, непроверенной информацией и направлены на правовое сознание наших граждан.

По нашему мнению, существует четыре основных социально-психологических способа противодействия деструктивным воздействиям. Во-первых, в обществе необходимо создание атмосферы доверия правоохранительным органам, вооруженным силам, органам власти и проводимой социальной политики. Во-вторых, необходимо систематическое правовое образование граждан страны в системах среднего и высшего образования. В-третьих, правовое образование позволит сформировать не только правовую

грамотность, но и позитивное отношение к праву, прежде всего у молодежи, воспитание правового реализма и уважения к существующей правовой системе. В-четвертых, необходимо социально-психологическое обучение людей асертивности как умению и способности защищать свои

права и интересы при уважении прав и интересов противоположной стороны. Обучение асертивности включает получение правовых знаний и навыков грамотной коммуникации в правовой сфере и может проводиться в виде деловых игр и социально-психологических тренингов.

Библиографический список

- Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964.
- Афанасьев В.С., Гранат Н.Л. Общая теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2000.
- Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен. СПб.: Речь, 2012.
- Гревцов Ю.И. Общая теория государства и права. Т. 2. М., 1998.
- Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали // Правоведение. 1994. № 2. С. 41–46.
- Полищук Н.И. К вопросу о совершенстве системы стадий уголовного процесса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 181–185.
- Полищук Н.И. Эволюция идеи права и правовые отношения: вопросы теории и практики. СПб.: Изд-во Юридического института, 2005.
- Серков П.С. Правоотношения: теория и практика современного правового регулирования. Ч. 2, 3. М.: Изд-во «Норма», 2018.
- Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоведения. М., 1980.
- Толстой Ю.К. К теории правоотношения. М., 1959.
- Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (дата обращения: 30.03.2022).
- Фастов А.Г. Правовые отношения: учебное пособие. Волгоград, 2009.
- Халфина Р.О. Общие учения о правоотношении. М., 1974.

Для цитирования. Безносов Д.С. Социально-психологические особенности правовых отношений // Вестник социальной политики. 2022. Т. 1, № 3. С. 26–32.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF LEGAL RELATIONS

D.S. Beznosov

St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work

Abstract. Legal consciousness is a type of social consciousness and includes knowledge of law, legal norms, attitude towards law and readiness to behave in a law-abiding manner. The attitude towards law characterises the level of development of legal consciousness and may be positive (legal realism) or negative (legal nihilism). Modern means of mass communication, especially the Internet networks, have a significant impact on the formation of legal consciousness. Our society is exposed to information attacks, the legal consciousness of citizens is filled with unverified, negative information in the form of rumours and fakes. D.S. Gorbатов notes that rumours should be considered as officially unconfirmed information. Rumours are spread

solely through verbal communication, the source of information is usually not named. Fakes are deliberately spread through information networks and represent information about events that are not confirmed by facts. The purpose of fakes is to deliberately influence the legal consciousness of people who have not developed a positive legal consciousness. Fakes are the malicious dissemination of false information in order to discredit law enforcement agencies and the government system. Fake information is a blatant disinformation that affects the emotional state of a person who has no opportunity to verify the truth. Four main socio-psychological ways of counteracting destructive influences have been identified: 1) creating an atmosphere of trust in law enforcement agencies, the armed forces, the authorities and the current social policy; 2) developing a positive attitude towards the law, especially among young people, fostering legal realism and respect for the existing legal system; 3) training people in assertiveness as the ability and capacity to defend their rights and interests while respecting the rights and interests of the other party. Assertiveness training includes acquiring legal knowledge and skills for competent communication in the legal sphere.

Keywords: legal consciousness, rumour, fake, information threats, destructive influences, trust, assertiveness.

References

- Afanasyev, V.S., Granat, N.L. (2000). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Moscow, Norma, INFRA-M (In Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 № 646 “On the approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation”. Legal reference system “Consultant Plus”. Retrieved March 30, 2022 from http://www.cjnsultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (In Russian).
- Fastov, A.G. (2009). *Pravovye otnosheniya* [Legal relations]. Volgograd, VA MVD RF (In Russian).
- Gorbatov, D.S. (2012). *Psihologiya sluhov i spleten* [Psychology of rumours and gossip]. Saint Petersburg: Rech (In Russian).
- Grevtsov, Y.I. (1998). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law] Moscow, Zercalo. Vol. 2 (In Russian).
- Khalфина, R.O. (1974). *Obshchie ucheniya o pravootnoshenii* [General doctrines of legal relations]. Moscow, Yuridicheskaya literatura (In Russian).
- Matuzov, N.I. (1994). Pravovoj nigilizm i pravovoj idealizm kak dve storony odnoj medali [Legal Nihilism and Legal Idealism as two sides of one medal]. *Law*, 2, 41–46 (In Russian).
- Polischuk, N.I. (2005). *Evolyuciya idei prava i pravovye otnosheniya: voprosy teorii i praktiki* [Evolution of the idea of law and legal relations: issues of theory and practice]. Saint Petersburg: Ed. of Legal Institute (In Russian).
- Polishchuk, N.I. (2015). K voprosu o sovershenstve sistemy stadij ugolovnoogo processa [To a question about perfection of system of stages of criminal procedure] *Bulletin of Nizhniy Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 1, 181–185 (In Russian).
- Alekseev, S.S. (1964). *Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava* [General Theory of Socialist Law]. Sverdlovsk (In Russian).
- Serkov, P.S. (2018). *Pravootnosheniya: teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya* [Legal relations: theory and practice of modern legal regulation]. Part 2, 3. Moscow: Norma Publishing House (In Russian).
- Tkachenko, Y.G. (1980). *Metodologicheskie voprosy teorii pravovedeniya* [Methodological issues of the theory of jurisprudence]. Moscow: Yuridicheskaya literatura (In Russian).
- Tolstoy, Y.K. (1959). *K teorii pravootnosheniya* [To the theory of legal relations]. Moscow: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

For citing. Beznosov D.S. (2022). Social'no-psihologicheskie osobennosti pravovyh otnoshenij [Socio-psychological characteristics of legal relations]. *Vestnik socialnoy politiki*, 1(3), 26–32 (In Russian).

УДК 159.9

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_33

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ И РОСТ СУИЦИДОВ: УРОКИ ПАНДЕМИИ

М.В. Рубцова¹, А.В. Рубцова²

¹ Департамент государственного управления НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

² Факультет искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация. В статье авторы дают характеристику социальных последствий дезадаптации в условиях пандемии COVID-19. Рассмотрены основные теоретические положения концепции социальной дезадаптации и последние эмпирические исследования, подчеркивающие связь самоизоляции, роста невротизации и социального дезадаптивного поведения. Ученые обратили внимание на резкий рост самоубийств в результате пандемии COVID-19. Моделирующие исследования показали, что уровень самоубийств может увеличиться до 145% во всем мире в результате пандемии. Австралийское национальное исследование психического здоровья, проведенное в период ограничений COVID-19, показало, что 14,6% респондентов стали выражать суицидальные наклонности и говорить о «мыслях о причинении себе вреда или о том, что лучше умереть». Исследователи из США также сообщают о росте суицидальных мыслей. 10,7% людей сообщили, что испытали влияние суицидальных мыслей за предыдущие 30 дней по сравнению с 4,3% за то же время в 2018 г. Вместе с тем сравнение с ростом самоубийств, возникающих при других эпидемиях, показало, что случай COVID-19 не уникален. Например, при распространении атипичной пневмонии также был введен карантин, который стал причиной роста дезадаптивного поведения. В Гонконге число совершенных самоубийств увеличилось на 31%, особенно среди пожилых людей. В статье делается вывод о схожем влиянии эпидемий на социальные и психические процессы и возможности предупреждения развития негативных последствий усиления невротизации и последующей социальной дезадаптации во время эпидемий и пандемий с помощью обеспечения постоянной поддержки служб социальной защиты и охраны здоровья.

Ключевые слова: дезадаптация, невротизация, пандемия, суицидальные наклонности, служба социальной защиты, психическое здоровье.

Коронавирусная болезнь (COVID-19) была объявлена ВОЗ пандемией 11 марта 2020 г. Правительство Российской Федерации объявило

в стране карантин 25 марта 2020 г. Карантин был ослаблен к лету 2020-го, но меры социального дистанцирования продолжали действовать.

Рубцова Мария Владимировна — доктор социологических наук, профессор департамента государственного управления, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. Электронный адрес: abc33@yandex.ru.

Рубцова Анна Васильевна — стажер-исследователь факультета искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 58–60. Электронный адрес: rubcovaanna42@gmail.com.

© Рубцова М. В., Рубцова А. В., 2022

С самого начала эпидемии психологи задумались о последствиях коронавирусной болезни для психического здоровья и высказали предположения, что уровень самоубийств возрастет. Они опирались на свидетельства того, что смертность от самоубийств увеличилась в США во время пандемии гриппа 1918–1919 гг. и среди пожилых людей в Гонконге во время эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г. Самоубийства рассматривались как серьезная проблема по мере распространения пандемии и ее долгосрочных последствий для населения в целом, экономики и уязвимых групп.

Неблагоприятные последствия пандемии для людей с психическими заболеваниями и для психического здоровья населения в целом усугублялись страхом, самоизоляцией и физическим дистанцированием. Риск самоубийства повышался из-за стигматизации людей с COVID-19 и их семей. У людей с психическими расстройствами симптомы ухудшались, а у других развивались новые проблемы с психическим здоровьем, особенно депрессия, тревога и посттравматический стресс (все это связано с повышенным риском самоубийства). Эти проблемы с психическим здоровьем возникали, прежде всего, у лиц с высоким уровнем подверженности заболеваниям, вызванным COVID-19, или медицинских работников, работающих на переднем крае борьбы с вирусом, и тех, у кого уже началось развиваться заболевание. Службы охраны психического здоровья столкнулись с увеличением рабочей нагрузки и необходимостью поиска новых способов работы. Некоторые службы проводили психиатрические обследования. Эти новые методы работы внедрялись достаточно широко, несмотря на то что не все пациенты чувствовали себя комфортно при таком взаимодействии.

Дуан и др. (Duan et al., 2020) исследовали состояние психического здоровья подростков и детей в Китае во время вспышки эпидемии и обнаружили, что повышенный уровень тревожности положительно коррелирует со стилем преодоления, ориентированным на эмоции, и отрицательно — со стилем преодоления, ориентированным на проблему. Для поддержки людей, склонных к суициду, должны быть доступны онлайн-вмешательства и специальные мобильные приложения. Необходимо учитывать не только текущее положение людей, но и их будущее. Например, многие молодые люди прервали свое образование и беспокоятся о своих перспективах. Образовательные учреждения должны искать

альтернативные способы предоставления учебных программ, а правительства должны быть готовы предложить им финансовую поддержку в случае необходимости.

Фу и др. (Fu et al., 2020) исследовали психологическую реакцию на пандемию 1 242 жителей Ухани. Пандемия может негативно сказаться на многих известных факторах, провоцирующих самоубийства. Например, во время изоляции может возрасти насилие в семье и потребление алкоголя. В Китае в период карантина потребление алкоголя увеличилось на 11%, табака на 30% (Ren et al., 2020). Ответные меры общественного здравоохранения должны обеспечивать поддержку тех, кто сталкивается с межличностным насилием, и распространение информации о безопасном употреблении алкоголя. Социальная изоляция, ловушка и одиночество способствуют риску самоубийств. Эта проблема возрастает для людей, потерявших близких. Необходимо оказание общественной поддержки тем, кто живет в одиночестве. Авторы подчеркивают, что физические упражнения могут отвлечь внимание от ситуации с пандемией и уменьшить панику; следовательно, это положительный механизм преодоления перед лицом новых вызовов, возникших в результате пандемии.

Ли (Li, 2020) изучил психосоциальную реакцию на пандемию 1 109 китайских участников. Ли заявил, что следует учитывать, что эффект одной и той же стратегии может различаться в разные периоды вспышки COVID-19 и что стратегии выживания, ориентированные как на эмоции, так и на проблемы, важны и должны использоваться одновременно, чтобы справиться с ситуацией и с потенциальными негативными последствиями для психического здоровья во время пандемии. Последствия пандемии, связанные с самоубийствами, могут различаться в зависимости от мер контроля общественного здравоохранения в странах, социально-культурных и демографических структур, наличия цифровых альтернатив личным консультациям и существующей поддержки. Последствия могут быть хуже в условиях ограниченных ресурсов, где экономические трудности усугубляются неадекватной социальной поддержкой. Другие проблемы в этих условиях включают социальные последствия запрета религиозных собраний и похорон, межличностное насилие и уязвимость рабочих-мигрантов. Стигма и дезинформация, связанные с COVID-19, могут быть особенно острыми в этих условиях; многие из предложенных выше решений будут применимы во всем мире,

но потребуются дополнительные усилия в условиях ограниченных ресурсов.

Моделирующие исследования, опубликованные после объявления пандемии COVID-19 в марте 2020 г., показали, что уровень самоубийств может увеличиться до 145% во всем мире в результате пандемии (John et al., 2020). Goyal et al., 2020 описали случаи самоубийства мужчин среднего возраста. Основные темы, которые фигурировали в качестве предполагаемых причин совершения самоубийства, включали страх заразиться инфекцией, страх ее передачи, страх мучительной смерти, вторичной по отношению к ней, и страх социальной изоляции.

Сравнение с ростом самоубийств, возникающих при других эпидемиях, показало, что случай COVID-19 не уникален. Например, эпидемия атипичной пневмонии 2003 г. распространилась в 26 странах. Сравнивая самоубийства, связанные с атипичной пневмонией, и самоубийства, не связанные с атипичной пневмонией, авторы не выявили никаких различий в психиатрических профилях. Тем не менее в первой группе были обнаружены более высокая социальная разобщенность и страх заразиться этой болезнью (Yip et al., 2010). Эпидемия атипичной пневмонии на Тайване показала аналогичные результаты (Chan et al., 2006). Более того, пандемия испанского гриппа в 1918 г. имела очень похожие последствия (Wasserman, 1992).

Таким образом, можно говорить о том, что как население, так и система государственной социальной защиты может предвидеть и пытаться предупредить развитие негативных последствий, усиление невротизации и последующей

социальной дезадаптации во время эпидемий и пандемий и обеспечить постоянную поддержку служб охраны психического здоровья. Считается, что страны с всеобщим медицинским страхованием (к ним относится и Россия) имеют дополнительное преимущество во время пандемии, поскольку они могут обеспечить более комплексные ответные меры с улучшенным доступом к медицинской помощи.

За два года пандемии общество уже многому научилось и риск распространения социальной дезадаптации несколько уменьшился. Но исследования конца 2021 г. показывают, что даже на поздней стадии распространения пандемии COVID-19 в США сохранилась проблема повышенной распространенности неблагоприятных симптомов психического здоровья по сравнению с допандемическими оценками. Это важно, так как ранее считалось, что проявления невротизации и социальной дезадаптации преходящи и исчезнут по мере ослабления пандемии (Czeisler et al., 2021). Более того, существуют две социально-демографические группы (молодежь и пожилые люди старше 65 лет), для которых характерно более высокое распространение негативных социальных и психологических последствий COVID-19.

Таким образом, говоря о социальных рисках и последствиях пандемии, можно попытаться предупредить развитие негативных последствий невротизации и социальной дезадаптации во время эпидемий, подготовиться к ним и обеспечить бесперебойную работу служб социальной защиты населения.

Библиографический список

Beach S.H., Fincham F.D. Toward an integrated model of negative affectivity in marriage // *The Heart of the Matter: Perspectives on Emotion in Marital Therapy* / ed. S.M. Johnson, L.S. Greenberg. New York: Brunner/Mazel, 1994. P. 227–255.

Bolger N., Zuckerman A. A framework for studying personality in the stress process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. No. 69 (5). P. 890–902.

Chan S.M., Chiu F.K., Lam C.W., Leung P.Y.V., Conwell Y. Elderly suicide and the 2003 SARS epidemic in Hong Kong // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. 2006. No. 21. P. 113–118.

Czeisler M.E., Lane R.I., Petrosky E., Wiley J.F., Christensen A., Njai R., Weaver M.D., Robbins R., Facer-Childs E.R., Barger L.K., Czeisler C.A., Howard M.E., Rajaratnam S.M.W. Mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic — United States, June 24–30, 2020 // *Morbidity and Mortality Weekly Report*. 2020. No. 69 (32). P. 1049–1047. <https://doi.org/10.1101/2020.04.22.2007614v1>

Czeisler M.E., Lane R.I., Wiley J.F., Czeisler C.A., Howard M.E., Rajaratnam S.M.W. Follow-up survey of US adult reports of mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic, September 2020 // *JAMA Network Open*. 2021. No. 4 (2), e2037665. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.37665>

Davila J., Karney B.R., Hall T.W., Bradbury T.N. Depressive symptoms and marital satisfaction: Within-subject associations and the moderating effects of gender and neuroticism // *Journal of Family Psychology*. 2003. No. 17 (4). P. 557–579.

Duan Li Shao, Xiaojun Wang, Yuan Huang, Yinglin Miao, Junxiao Yang, Xueping Zhu Gang. An investigation of mental health status of children and adolescents in China during the outbreak of COVID-19 // *Journal of Affective Disorders*. 2020. No. 275. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.029>.

Fisher J.R.W., Tran T.D., Hammarberg K., Sastry J., Nguyen H., Rowe H., Popplestone S., Stocker R., Stubber C., Kirkman M. Mental health of people in Australian the first month of COVID-19 restrictions: A national survey // *Medical Journal of Australia*. 2020. No. 213 (10). P. 458–464. <https://doi.org/10.5694/mja2.50831>

Fu W., Wang C., Zou L. et al. Psychological health, sleep quality, and coping styles to stress facing the COVID-19 in Wuhan, China // *Transl Psychiatry*. 2020. No. 10, 225. <https://doi.org/10.1038/s41398-020-00913-3>

Ivbijaro G., Kolkiewicz L., Goldberg D., N'jie I., Todd E., Michelle R., Svab I., Geller J., Enum Y. Suicide prevention and COVID-19 // *Asia-Pacific Psychiatry*. 2021. No. 13.

John A., Okolie C., Eyles E., Webb R.T., Schmidt L., McGuinness L.A., Olorisade B.K., Arensman E., Hawton K., Kapur N., Moran P., O'Connor R.C., O'Neill S., Higgins J.P.T., Gunnell D. The impact of COVID-19 pandemic on self-harm and suicidal behaviour: A living systematic review // *F1000 Research*. 2020. No. 9, 1097. <https://doi.org/10.12688/f1000research.25522.1>

Jurblum M., Ng C.H., Castle D.J. Psychological consequences of social isolation and quarantine. Issues related to COVID-19 restrictions // *Australian Journal of General Practitioners*. 2020. No. 49 (12). P. 778–783.

Kerchner A.J., Rapee R.M., Schniering C.A. Neuroticism, life events and negativethoughts in the development of depression in adolescent // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009. No. 37. P. 903–915.

Klein D.N., Durbin C.E., Shankman S.A. Personality and mood disorders / ed. I.H. Gotlib, C.L. Hammen. *Handbook of Depression*, 2nd Edition. New York: The Guilford Press, 2009. P. 93–112.

Li Q. Psychosocial and coping responses toward 2019 coronavirus diseases (COVID-19): A cross-sectional study within the Chinese general population // *QJM Mon. Journal Assoc. Physicians*. 2020. No. 113. P. 731–738.

Ren Y., Qian W., Li Z., Liu Z., Zhou Y., Wang R., Qi L., Yang J., Song X., Zeng L., Zhang X. Public mental health under the long-term influence of COVID-19 in China: Geographical and temporal distribution // *Journal of Affective Disorders*. 2020. No. 277. P. 893–900. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.045>

Szabó C., Pukánszky J., Kemény L. Psychological Effects of the COVID-19 Pandemic on Hungarian Adults // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 24: 9565. <https://doi.org/10.3390/ijerph17249565>

Uliaszek A.A., Zinbarg R.E., Mineka S., Craske M.G., Griffith J.W., Sutton J.M., Epstein A., Hammen C. A longitudinal examination of stress generation in depressive and anxiety disorders // *The Journal of Abnormal Psychology*. 2011. No. 120. P. 1–12, doi: 10.1037/a0025835

Wasserman, I.M. The impact of epidemic, war, prohibition and media on suicide: United States, 1910–1920 // *Suicide and Lifethreatening Behavior*. 1992. No. 22 (2). P. 240–254.

Yip P.S., Cheung Y.T., Chau P.H., Law Y.W. The impact of epidemic outbreak: The case of severe acute respiratory syndrome (SARS) and suicide among older adults in Hong Kong // *Crisis*. 2010. No. 31. P. 86–92. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000015>

Для цитирования. Рубцова М.В., Рубцова А.В. Социальная дезадаптация и рост суицидов: уроки пандемии // *Вестник социальной политики*. 2022. Т. 1, № 3. С. 33–38.

SOCIAL MALADAPTATION AND RISING SUICIDE RATES: LESSONS FROM THE PANDEMIC

M. V. Rubtcova¹, A. V. Rubtcova²

¹ Department of Public Administration, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

² St. Petersburg State University

Rubtcova Mariia Vladimirovna — Doctor of Sociology, Professor, Department of Public Administration, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg). Address: Russia, St. Petersburg, Soyuz Pechatnikov St., 16. E-mail: abc33@yandex.ru.

Rubtcova Anna Vasilievna — student, St. Petersburg State University. Address: Russia, St. Petersburg, Galernaya St., 58–60. E-mail: rubcovaanna42@gmail.com.

Abstract. In this paper the authors characterise the social consequences of maladaptation in the COVID-19 pandemic. The main theoretical premises of the concept of social maladaptation and recent empirical research highlighting the link between self-isolation, increased neuroticism and social maladaptive behaviour are reviewed. Researchers have drawn attention to the dramatic increase in suicide rates resulting from the COVID-19 pandemic. Modelling studies have shown that suicide rates could rise by as much as 145% globally as a result of the pandemic. The Australian National Mental Health Survey, conducted during the COVID-19 restrictions period, found that 14.6% of respondents began expressing suicidal tendencies and talking about “thoughts of self-harm or being better off dead”. Researchers from the US also report an increase in suicidal thoughts. 10.7% of people reported experiencing suicidal thoughts in the previous 30 days, compared to 4.3% in the same time in 2018. However, a comparison with the increase in suicides occurring in other epidemics showed that the case of COVID-19 is not unique. For example, in the spread of SARS, a quarantine was also imposed and caused an increase in maladaptive behaviour. In Hong Kong, the number of suicides committed has increased by 31%, especially among the elderly. The article concludes that the impact of epidemics on social and mental processes is similar and that the negative consequences of increased neuroticisation and consequent social disadaptation during epidemics and pandemics can be prevented by providing ongoing support to social protection and health services.

Keywords: maladaptation, neuroticisation, pandemic, suicidal tendencies, social services, mental health

References

- Beach, S.H., Fincham, F.D. (1994). Toward an integrated model of negative affectivity in marriage // *The Heart of the Matter: Perspectives on Emotion in Marital Therapy*. In S.M. Johnson, L.S. Greenberg (Eds.). New York: Brunner/Mazel. P. 227–255.
- Bolger, N., Zuckerman, A. (1995). A framework for studying personality in the stress process. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(5), 890–902.
- Chan, S.M., Chiu, F.K., Lam, C.W., Leung, P.Y.V., Conwell, Y. (2006). Elderly suicide and the 2003 SARS epidemic in Hong Kong. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 21, 113–118.
- Czeisler, M.E., Lane, R.I., Petrosky, E., Wiley, J.F., Christensen, A., Njai, R., Weaver, M.D., Robbins, R., Facer-Childs, E.R., Barger, L.K., Czeisler, C.A., Howard, M.E., Rajaratnam, S.M.W. (2020). Mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic — United States, June 24–30, 2020. *Morbidity and Mortality Weekly Report*, 69(32), 1049–1047. <https://doi.org/10.1101/2020.04.22.2007614v1>
- Czeisler, M.E., Lane, R.I., Wiley, J.F., Czeisler, C.A., Howard, M.E., Rajaratnam, S.M.W. (2021). Follow-up survey of US adult reports of mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic, September 2020. *JAMA Network Open*, 4(2). e2037665. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.37665>
- Davila, J., Karney, B.R., Hall, T.W., Bradbury, T.N. (2003). Depressive symptoms and marital satisfaction: Within-subject associations and the moderating effects of gender and neuroticism. *Journal of Family Psychology*, 17(4), 557–579.
- Duan, Li Shao, Xiaojun Wang, Yuan Huang, Yinglin Miao, Junxiao Yang, Xueping Zhu, Gang. (2020). An investigation of mental health status of children and adolescents in China during the outbreak of COVID-19. *Journal of Affective Disorders*. 275. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.029>.
- Fisher, J.R.W., Tran, T.D., Hammarberg, K., Sastry, J., Nguyen, H., Rowe, H., Popplestone, S., Stocker, R., Stubber, C., Kirkman, M. (2020). Mental health of people in Australia the first month of COVID-19 restrictions: A national survey. *Medical Journal of Australia*, 213(10), 458–464. <https://doi.org/10.5694/mja2.50831>
- Fu, W., Wang, C., Zou, L. et al. Psychological health, sleep quality, and coping styles to stress facing the COVID-19 in Wuhan, China (2020). *Transl Psychiatry*, 10, 225. <https://doi.org/10.1038/s41398-020-00913-3>
- Ivbijaro, G., Kolkiewicz, L., Goldberg, D., N’jie, I., Todd, E., Riba, M., Svab, I., Geller, J., Enum, Y. (2021). Suicide prevention and COVID-19. *Asia-Pacific Psychiatry*, 13. <https://doi.org/10.1111/appy.12482>
- John, A., Okolie, C., Eyles, E., Webb, R.T., Schmidt, L., McGuiness, L.A., Olorisade, B.K., Arensman, E., Hawton, K., Kapur, N., Moran, P., O’Connor, R.C., O’Neill, S., Higgins, J.P.T., Gunnell, D. (2020). The impact of COVID-19 pandemic on self-harm and suicidal behavior: A living systematic review. *F1000 Research*, 9, 1097. <https://doi.org/10.12688/f1000research.25522.1>
- Jurblum, M., Ng, C.H., Castle, D.J. (2020). Psychological consequences of social isolation and quarantine. Issues related to COVID-19 restrictions. *Australian Journal of General Practitioners*, 49(12), 778–783.

Kerchner, A.J., Rapee, R.M., Schniering, C.A. (2009). Neuroticism, life events and negative thoughts in the development of depression in adolescent. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 37, 903–915.

Klein, D.N., Durbin, C.E., Shankman, S.A. (2009). Personality and mood disorders. In I.H. Gotlib, C.L. Hammen (Eds.). *Handbook of Depression*. 2nd Edition. New York: The Guilford Press. P. 93–112.

Li, Q. (2020). Psychosocial and coping responses toward 2019 coronavirus diseases (COVID-19): A cross-sectional study within the Chinese general population. *QJM Mon. J. Assoc. Physicians*, 113, 731–738.

Ren, Y., Qian, W., Li, Z., Liu, Z., Zhou, Y., Wang, R., Qi, L., Yang, J., Song, X., Zeng, L., Zhang, X. (2020). Public mental health under the long-term influence of COVID-19 in China: Geographical and temporal distribution. *Journal of Affective Disorders*, 277, 893–900. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.045>

Szabó, C., Pukánszky, J., Kemény, L. (2020). Psychological Effects of the COVID-19 Pandemic on Hungarian Adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17, 24, 9565. <https://doi.org/10.3390/ijerph17249565>

Uliaszek, A.A., Zinbarg, R.E., Mineka, S., Craske, M.G., Griffith, J.W., Sutton, J.M., Epstein, A., Hammen, C. (2011). A longitudinal examination of stress generation in depressive and anxiety disorders. *The Journal of Abnormal Psychology*, 120, 1–12. doi: 10.1037/a0025835

Wasserman, I.M. (1992). The impact of epidemic, war, prohibition and media on suicide: United States, 1910–1920. *Suicide and Lifethreatening Behavior*, 22(2), 240–254.

Yip, P.S., Cheung, Y.T., Chau, P.H., Law, Y.W. (2010). The impact of epidemic outbreak: The case of severe acute respiratory syndrome (SARS) and suicide among older adults in Hong Kong. *Crisis*, 31, 86–92. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000015>

For citing. Rubtcova, M.V., Rubtcova, A.V. (2022). Social'naya dezadatsiya i rost suicidov: uroki pandemii [Social maladaptation and rising suicide rates: lessons from the pandemic]. *Vestnik socialnoy politiki*, 1(3), 33–38 (In Russian).

ПЕДАГОГИКА / PEDAGOGY

УДК 37.013.42

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_39

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИЗОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ВОЛШЕБНАЯ ГЛИНА» В РАБОТЕ С ИНВАЛИДАМИ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА

М.В. Киселева¹, Е.В. Лебедева²

¹ Кафедра клинической психологии СПбГИПСП (Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы)

² СПбГБУ СОН «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга»

Аннотация. На сегодняшний день имеется довольно большой опыт использования арт-терапевтических методов в реализации комплекса мер по адаптации получателей социальных услуг. В процессе реализации комплекса мер по адаптации получателей социальных услуг путем формирования или развития навыков самостоятельного жизнеобеспечения в процессе выполнения обязанностей по конкретной работе необходимо учитывать относительно значительную степень нарушения коммуникативных возможностей данного контингента, что затрудняет установление с ними достаточно устойчивого психотерапевтического контакта и нередко делает проблематичным их участие в некоторых формах групповых занятий. Одним из направлений арт-терапии является изотерапия, использование различных художественных материалов для выражения чувств и переживаний.

Киселева Марина Вячеславовна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии СПбГИПСП (Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы). Адрес: Россия, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., д. 13. Электронный адрес: marina.v.kiseleva@gmail.com.

Лебедева Елена Васильевна — специалист по социальной работе СПбГБУ СОН «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга», социально-трудовое отделение для людей с нарушением интеллекта «Мастер». Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Карпинского д. 38, корп. 4. Электронный адрес: helena.kononovich@gmail.com.

Особое место среди всевозможных художественных материалов занимают пластичные материалы, в частности глина, гибкость и податливость которой позволяет получать тактильные и кинестетические ощущения. В качестве примера использования глинотерапии в работе с получателем социальных услуг предоставляется пример работы специалиста по социальной работе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга». Занятия по программе «Волшебная глина» проводились ежедневно и целенаправленно в течение двух лет. В приведенном примере абилитанту предоставлялся свободный темп работы, использовался наглядно-практический метод обучения.

Ключевые слова: арт-терапия, адаптация, социальные услуги, самостоятельное жизнеобеспечение, коммуникативные возможности, изотерапия, абилитация.

Введение

На сегодняшний день имеется довольно большой опыт использования арт-терапевтических методов в реализации комплекса мер по адаптации получателей социальных услуг. В большинстве случаев это свидетельствует о значимом вкладе арт-терапевтического подхода в решение комплекса лечебно-реабилитационных задач (Копытин, 2012).

Достоинствами арт-терапевтических методов с точки зрения реабилитации являются:

- преимущественно невербальный характер, позволяющий клиентам выразить свои сложные, плохо определяемые в словах чувства, которые в противном случае могут «выплескиваться» в поведении;
- влияние на повышение самооценки клиентов и степени контроля ими своего поведения и психических процессов, что помогает им в принятии решений;
- тренировка и совершенствование сенсорных возможностей клиентов, умение работать с разными материалами, что может иметь большое значение для активизации и сохранения важных практических навыков, включая и навыки трудовой деятельности;
- возможность длительного контакта между клиентом и специалистом, что при наличии адекватной оценки и понимания последним выраженного в изобразительной продукции внутреннего мира клиента вносит определенный смысл в его переживания (Киселева, 2009).

В процессе реализации комплекса мер по адаптации получателей социальных услуг путем формирования или развития навыков самостоятельного жизнеобеспечения в процессе

выполнения обязанностей по конкретной работе необходимо учитывать:

- устойчивый характер нарушений при хронических психических заболеваниях, обуславливающий длительную работу с данным контингентом и низкую вероятность достижения видимых «психотерапевтических» результатов;
- снижение когнитивных возможностей хронических больных и определенную степень эмоционально-волевых нарушений, что предполагает допустимость нерегулярных посещений изотерапевтических сессий, низкую степень вовлеченности в работу;
- относительно значительную степень нарушения коммуникативных возможностей данного контингента, что затрудняет установление с ними достаточно устойчивого психотерапевтического контакта и нередко делает проблематичным их участие в некоторых формах групповых занятий.

Одним из направлений арт-терапии является изотерапия, использование различных художественных материалов для выражения чувств и переживаний (Куприна, 2012). В изотерапии используется процесс создания «продукта творчества» в качестве инструмента реализации целей. Творческие занятия с использованием изотерапевтических техник служат инструментом для изучения чувств, идей и событий, для развития межличностных навыков и отношений, укрепления самооценки и уверенности в себе.

Особое место среди всевозможных художественных материалов занимают пластичные материалы, в частности глина, гибкость и податливость которой позволяют получать тактильные

и кинестетические ощущения (Кочнева, Панкина, 2021). Глина — сенсорная среда искусства. Прикосновение к ней соединяет человека с землей, поскольку она производится из ила древних русел рек. Глина — живой природный материал и, будучи связанной с землей, она обеспечивает взаимодействие человека с природой, пробуждая у него процессы самовосстановления и саморегуляции (Ганьшина, 2012). При взаимодействии с глиной возникают определенные сенсорные ощущения, помогающие обрести уверенность в своих действиях, владение собой.

Некоторых клиентов пугает грязь, сопровождающая работу с глиной, поэтому работа с данным материалом требует от специалиста деликатного отношения к клиенту на первых этапах использования глинолечения.

В качестве примера использования глинолечения в работе с получателем социальных услуг предоставляется пример работы специалиста по социальной работе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга».

Основной целью работы специалиста по социальной работе в социально-трудовом отделе «Мастер» является организация и проведение реабилитационных мероприятий с инвалидами трудоспособного возраста, направленных на формирование навыков и умений, необходимых для самостоятельного проживания.

Основными направлениями работы отделения являются:

- организация ежедневного пребывания в дневное время в помещениях центра;
- организация проведения реабилитации получателей социальных услуг в соответствии с индивидуальной программой предоставления социальных услуг;
- организация трудовой занятости для людей с нарушением интеллекта на базе центра;
- проведение тренингов для развития навыков, необходимых в повседневной жизни;
- реализация комплекса мер по адаптации получателей социальных услуг путем формирования или развития навыков самостоятельного жизнеобеспечения в процессе выполнения обязанностей по конкретной работе.

Методика практической деятельности специалиста социальной работы с получателем социальных услуг

Получатель социальных услуг С. в возрасте 25 лет пришла в реабилитационный центр с целью социальной адаптации и улучшения коммуникативных способностей. На тот момент она обладала всеми необходимыми для жизни бытовыми навыками. С. проживает в полной семье — с родителями и младшим братом.

До начала совместной работы, по словам работавших с ней в то время специалистов, С. ни с кем не хотела контактировать, в основном сидела одна и со стороны наблюдала за специалистами и реабилитантами. Отказывалась от совместно организованных походов в столовую на обед вместе с другими клиентами. Была очень избирательна, с кем и когда именно она хочет заниматься. Порой была агрессивна — могла толкнуть или ущипнуть, а на выездных экскурсиях были трудности в виде нежелания куда-то передвигаться.

Такое поведение полностью характерно для людей с расстройством аутистического спектра (РАС). Пребывание в незнакомом месте в реабилитационном центре — это та ситуация, когда клиенту стали поступать стимулы извне слишком быстро и в излишнем количестве, что в совокупности привело к неким эмоциональным срывам (Нестерова, 2011).

Спустя время С. адаптировалась, вследствие чего стала более активной, начала просить то, что ей нужно, используя свой собственный язык общения: брала за руку и показывала, что ей необходимо, что конкретно она хочет делать.

Приступив к работе с клиентом, согласно наблюдениям специалиста, С. обладала низким уровнем коммуникативных навыков, не проявляла стойкого интереса к предметам, отмечались зажатость в поведении и затруднение включения в простейшую совместную деятельность со специалистом. В качестве защитного механизма проявляла игнорирование.

Учитывая первоначальный запрос, основной целью занятий по методике арт-терапии (изотерапии) стало формирование у клиента коммуникативных навыков в ходе совместной творческой деятельности индивидуально со специалистом и в групповых занятиях.

Ранее клиент С. практически не занималась творческой деятельностью, за исключением редкой лепки из пластилина в домашних условиях. Поэтому среди всех художественных материалов

для первоначальной работы и знакомства с клиентом в качестве посредника был выбран хорошо знакомый ей простой пластический материал (пластилин).

На первых занятиях клиентка С. сидела за столом, ничего не брала в руки и только пристально наблюдала за тем, как специалист катает простые формы (колбаски, шарики, овалы и т. д.). При этом специалист старалась с ней активно общаться, комментировать ход работы, не давая ей замыкаться, а С. в это время просто молча наблюдала и слушала, не смотрела в глаза и порой отворачивала голову.

Все это время занятия проводились в индивидуальной форме. Когда в кабинет заходили один или два человека, то клиентка С. вставала и убегала. Со временем клиентка стала самостоятельно организовывать рабочее место для занятий — раскладывать материал для работы, подвигать досочку для лепки, давать пластилин специалисту и затем наблюдать, как он работает с этим материалом. Далее в процессе занятия клиентка начинает подражать действиям и брать материал сама, при этом комментируя, что она делает это именно «сама».

Результаты

Люди с расстройством аутистического спектра — визуалы. Поэтому для того, чтобы они начали что-то делать, им важно сначала это показать, и только затем, спустя время, они приступают к действиям (Артемова, Белосветова, 2019).

Через несколько месяцев после начала занятий с пластилином была предложена глина. Первые несколько занятий клиентка отказывалась, не хотела брать глину и даже просто прикасаться к ней руками, руки прятала, проявляла игнорирование из-за страха «загрязнения». Тогда специалист просто выкладывала глину на стол, демонстрировала свойства данного материала — какая она мягкая и приятная на ощупь. В одно из занятий специалист для примера вдавила в расплющенный кусок глины свою ладонь, чтобы показать, что из этого может получиться. В другой раз также на расплющенном куске глины специалист стала имитировать игру на фортепиано, разыгрывая гамму и пропевая каждую ноту. Постепенно С. стала проявлять к этому интерес — стала класть руки на стол (до этого она держала их на коленях под столом) и издавать совместные звуки, начала показывать пальцем на глину и затем аккуратно ее коснулась. Позже специалист предложила слепить кошку,

в результате через несколько занятий были выполнены несколько фигурок кошек.

После сеансов глинолечения С. стала убирать рабочие материалы на свои места, даже если ей говорили, что их можно оставить, и шла мыть руки.

Такая последовательность в работе с материалами (сначала пластилин, затем глина) обусловлена тем, что пластилин является для клиента более простым благодаря своей плотной консистенции (сначала его нужно размять и только потом придать какую-то форму). Глина же обладает более сложными характеристиками — несмотря на однородность цвета, у нее легко меняется форма, и для клиента этот материал выглядит и ощущается намного сложнее, а так как у клиентки с расстройством аутистического спектра часто возникают ситуации, которые не поддаются контролю, это приводит к тревожности и их бесконтрольной самостимуляции.

Для того чтобы снизить уровень тревожности клиентов с расстройством аутистического спектра, нужен набор мер, который помогал бы справляться и переключать их внимание. Для этого в рамках метода изотерапии и была организована данная последовательность — сначала пластилин, затем глина.

Постепенно клиентке предлагалось расширение способов расслабления — задействовались не только силовые методы работы с пластичным материалом, как нажатие и сдавливание, но и такие, как работа с цветом (цветотерапия) и использование звуков (музыкальная терапия). На протяжении длительного времени специалист предлагала клиентке краски для раскрашивания глиняных изделий, но клиентка не проявляла к ним интереса до тех пор, пока специалист в директивной форме стала выбирать и давать клиентке определенные краски.

На данный момент клиентка самостоятельно заинтересованно выбирает нужные ей цвета, чаще всего предпочтение отдается приглушенным оттенкам красного, синего и фиолетового, но больше всего привлекают зеленые и коричневые цвета, что как раз и характерно для людей с расстройством аутистического спектра (Нейсон, 2016). Но вместе с тем, в том случае когда С. испытывает положительные эмоции, что обычно происходит в первой половине дня, она может выбрать для работы желтый цвет.

Ранее С. работала с красками только на плоской поверхности, на бумаге. По мере работ по абилитации клиентка также начала использовать цвета для раскрашивания крупных

частей объемных изделий. Данная клиентка готова заниматься со специалистом арт-терапевтическими техниками в любое время, находясь в центре. Кроме слова «сама» также стала говорить «лепить», жестами показывать, куда идти, тем самым изъявляя желание заниматься. На сеансах по глинотерапии она всегда сосредоточена на том, чем занимается, проявляет усидчивость.

На сегодняшний день у получателя социальных услуг С. прослеживается положительная динамика. Она знает, как лепить простые детали, освоила разные приемы обработки материалов — «прищипывание», «сплющивание», «вытягивание» и т. д.; может работать с инструментами для глины и пластических материалов (пластилина) — стеками, кисточками и другими возможными приспособлениями, например для выдавливания различных рисунков. Знает алгоритм общих этапов занятий — подготовка рабочего места к работе с пластилином/глиной, сам ход работы и уборка рабочего места после своего занятия (обязательно все кладет на свои места). В настоящее время получатель социальных услуг С. регулярно принимает участие в групповых занятиях глинотерапии.

Когда специалист с С. заканчивает очередное изделие, в качестве отчета о проделанной работе создаются видеоролики и совместный просмотр видеоматериалов, что вызывает положительные эмоции у клиентки, которые та проявляет в виде улыбки, произнося при этом любой слог из слова, которое хочет сказать (например, вместо «работы» произносит «бо»).

Раз в неделю совместно с профессиональным скульптором на базе социально-трудоустройства «Мастер» СПбГБУСОН «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района» были организованы благотворительные занятия глиной. Специалист выступает в качестве посредника между реабилитантами и скульптором — организует рабочие места, во время занятий помогает налаживать контакт с получателями социальных услуг, сопровождает тех из них, которым нужна методика «рука в руке», и просто оказывает помощь в изготовлении изделий.

Со временем занятия по глинотерапии стали сопровождаться музыкальным пением с использованием аудиоматериалов, и когда звучат

разные песни, специалист начинает подпевать, клиентка С. охотно присоединяется, издает разные слоги из слов.

Ранее С. избегала музыкальных занятий, шумные мероприятия и практически любой вид коммуникации. Когда другие клиенты танцевали в музыкальном классе, С. не принимала в этом участия, даже не присутствовала. Позже, видя, как специалист показывает реабилитантам танцевальные движения, С. стала заинтересовываться, первоначально просто наблюдая (что для нее характерно). Вскоре стала брать специалиста за руки и танцевать, повторять движения, а также танцевать самостоятельно вместе с другими реабилитантами.

Сейчас С. стала любить громкую музыку, присутствует практически на всех праздничных мероприятиях. В настоящее время перестала бояться находиться в обществе, стала присутствовать на групповых занятиях.

С. проявляет разный спектр положительных эмоций — улыбается, смеется с другими участниками занятий, реагирует на обращения, свободно и самостоятельно передвигается по кабинетам в реабилитационном центре. Стала дружелюбнее относиться к окружающим, в том числе к другим клиентам. Улучшился эмоциональный фон. В дальнейшие планы на социальную реабилитацию С. входит продолжение работы с использованием арт-терапевтического подхода.

Заключение

Занятия по программе «Волшебная глина» с клиенткой С. проводились ежедневно и целенаправленно в течение двух лет. В приведенном примере для абилитанта предоставлялся свободный темп работы, использовался наглядно-практический метод обучения.

Вся работа с клиенткой С. строилась на разработанной специалистом данного учреждения программе «Волшебная глина». На сегодняшний день у получателя социальных услуг С. прослеживается положительная динамика в сфере коммуникативных навыков.

Использование арт-терапевтических технологий позволяет лучше понять абилитанта и способствует развитию навыков в коммуникативной сфере.

Библиографический список

Артемова Е.Э., Белосветова Д.Е. Применение арт-терапевтических методов в работе по формированию коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2019. Т. 17, № 4 (65). С. 35–42.

Бибикова Н.В. Арт-терапия как технология социальной реадaptации людей с ограниченными возможностями // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. Режим доступа: URL: <https://science-education.ru/article/view?id=14301> (дата обращения: 26.10.2022).

Ганьшина Г.В. Природные материалы в народных художественных промыслах России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 1. С. 74–83.

Киселева М.В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб.: Речь, 2009. 336 с.

Копытин А.И. Применение арт-терапии в лечении и реабилитации больных с психическими расстройствами // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 2. Режим доступа: URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 26.10.2022).

Кочнева А.С., Панкина М.В. Феномен тактильности в искусстве и его переосмысление в дизайне: проблемы психологии восприятия // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 3 (59). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-taktilnosti-v-iskusstve-i-ego-pereosmyslenie-v-dizayne-problemy-psihologii-vospriyatiya> (дата обращения: 26.10.2022).

Куприна Ю.П. Изотерапия и проблема социально-культурной адаптации // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 3 (37). С. 183–189.

Нэйсон Б. О ключевых проблемах аутизма. Сенсорные аспекты аутизма // Аутизм и нарушения развития. 2016. Т. 14, № 3 (52). С. 42–48.

Нестерова Г.Ф. Технология и методика социальной работы: учебное пособие. М.: Академия, 2011. 208 с.

Для цитирования. Киселева М.В., Лебедева Е.В. Опыт применения изотерапевтической программы «Волшебная глина» в работе с инвалидами трудоспособного возраста с нарушением интеллекта // Вестник социальной политики. 2022. Т. 1, № 3. С. 39–45.

EXPERIENCE OF USING THE “MAGIC CLAY” ISOTHERAPY PROGRAMME WITH DISABLED PEOPLE OF WORKING AGE WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

M. V. Kiseleva¹, E. V. Lebedeva²

¹ St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work

² Centre for Social Rehabilitation of Invalids and Disabled Children of Kalininsky District of St. Petersburg

Abstract. To date, there is quite a lot of experience in the use of art-therapeutic methods in the implementation of a set of measures for the adaptation of recipients of social services. When implementing a set of measures for the adaptation of recipients of social services through the formation or development of independent living skills in the process of performing the duties of a particular job, it is necessary to take into account the relatively significant degree of impairment of communicative abilities of this contingent, which makes it difficult to establish a fairly stable psychotherapeutic contact with them and often makes their participation in some forms of group activities problematic. One of the art therapy areas is isotherapy, the use of various art

Kiseleva Marina Vyacheslavovna — an associate professor of clinical psychology at the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work. Address: Russia, St. Petersburg, 12 V. O. line, 13. E-mail: marina.v.kiseleva@gmail.com.

Lebedeva Elena Vasilevna — social work specialist of the II category in St. Petersburg state budget institution of social service “Centre for Social Rehabilitation of Invalids and Disabled Children of Kalininsky District of St. Petersburg” social and labour department for people with intellectual disabilities “Master”. Address: Russia, St. Petersburg, Karpinskogo St., 38, bld. 4. E-mail: helena.kononovich@gmail.com.

materials to express feelings and experiences. A special place among all kinds of art materials is occupied by plastic materials, in particular clay, whose flexibility and malleability allows for tactile and kinesthetic sensations. As an example of using clay therapy in work with a beneficiary of social services, we provide an example of the work of a social worker of the St. Petersburg state budgetary institution of social services “Centre for Social Rehabilitation of Disabled People and Children with Disabilities of Kalininsky District of St. Petersburg”. Classes in the Magic Clay programme were conducted daily and purposefully, for two years. In the example given, the habilitant was given a free pace of work, using an illustrative and practical method of learning.

Keywords: art therapy, adaptation, social services, independent living, communication skills, isotherapy, abilification.

References

Artemova, E.E., Belosvetova, D.E. (2019). Primenenie art-terapevticheskikh metodov v rabote po formirovaniyu kommunikativnykh navykov u detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra [Application of art-therapeutic methods in the work on the formation of communication skills in children with autism spectrum disorders] *Autism and Developmental Disorders*, Vol. 17, 4(65), 35–42 (In Russian).

Bibikova, N.V. (2014). Art-terapiya kak tekhnologiya social'noj readaptacii lyudej s ogranichennymi vozmozhnostyami [Art-therapy as a technology of social re-adaptation of people with disabilities] *Modern problems of science and education*, 4. Retrieved Oktober 26, 2022 from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14301> (In Russian).

Ganshina, G.V. (2012). Prirodnye materialy v narodnykh hudozhestvennykh promyslah Rossii [Natural materials in folk arts and crafts of Russia] *Modern problems of service and tourism*, 1, 74–83 (In Russian).

Kiseleva, M.V. (2009). *Art-terapiya v prakticheskoy psihologii i social'noj rabote* [Art-therapy in practical psychology and social work]. Saint Petersburg: Rech (In Russian).

Kopytin, A.I. (2012). Primenenie art-terapii v lechenii i reabilitacii bol'nykh s psicheskimi rasstrojstvami [Application of art-therapy in the treatment and rehabilitation of patients with mental disorders] *Medical Psychology in Russia: electronic scientific journal*, 2. Retrieved Oktober 26, 2022 from <http://medpsy.ru> (In Russian).

Kochneva, A.S., Pankina, M.V. (2021). Fenomen taktil'nosti v iskusstve i ego pereosmyslenie v dizajne: problemy psihologii vospriyatiya [The phenomenon of tactility in art and its rethinking in design: the problems of psychology of perception] *Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 3(59). Retrieved Oktober 26, 2022 from <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-taktilnosti-v-iskusstve-i-ego-pereosmyslenie-v-dizayne-problemy-psihologii-vospriyatiya> (In Russian).

Kuprina, Y.P. (2012). Izoterapiya i problema social'no-kul'turnoj adaptacii [Isotherapy and the problem of socio-cultural adaptation] *Socio-economic phenomena and processes*, 3(037), 183–189 (In Russian).

Nason, B. (2016). O klyuchevykh problemah autizma. Sensornye aspekty autizma. Pervod s anglijskogo L.G. Borodinoj. Prodolzhenie [On the key issues of autism. Sensory aspects of autism. Translated from English by L.G. Borodina. Continued] *Autism and Developmental Disorders*, Vol. 14, 3(52), 42–48 (In Russian).

Nesterova, G.F. (2011). *Tekhnologiya i metodika social'noj raboty* [Technology and methodology of social work: textbook]. Moscow: Academy (In Russian).

For citing. Kiseleva, M.V., Lebedeva, E.V. (2022). Opyt primeneniya izoterapevticheskoy programmy "Volshebnyaya Glina" v rabote s invalidami trudosposobnogo vozrasta s narusheniem intellekta [Experience of using the "Magic Clay" isotherapy programme with disabled people of working age with intellectual disabilities]. *Vestnik socialnoy politiki*, 1(3), 39–45 (In Russian).

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

УДК 364.4

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_46

РОЛЬ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ОКАЗАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

В.А. Родионов

Министерство социального развития, опеки и попечительства Иркутской области

Аннотация. В статье представлены результаты деятельности социальных служб Иркутской области в сложных географических и социально-экономических условиях. Большая протяженность и площадь территории субъекта, различная плотность населения в областном центре и на севере региона, труднодоступность многих территорий и суровый климат — вот лишь некоторые трудности, которые преодолевают социальные службы региона при предоставлении социальных услуг населению. При этом вызовами современного общества являются крупные катастрофы техногенного и природного характера, пандемии и эскалация военных конфликтов во всем мире. В этих условиях помощь семьям с детьми на территории региона требует принципиально новых подходов от социальных служб, а именно: мобильность, оперативное межведомственное и межсекторное взаимодействие, экстренное реагирование на запрос семьи и подбор эффективных практик помощи, использование нестандартных подходов в решении проблем семьи, возникающих в период чрезвычайных ситуаций. За последние пять лет социальные службы Иркутской области неоднократно продемонстрировали, что ключевую роль в решении проблем семей с детьми в период ЧС играют органы социальной защиты. Речь идет, во-первых, о наличии необходимого административного, финансового, человеческого

1 Родионов Владимир Анатольевич — министр социального развития, опеки и попечительства Иркутской области. Адрес: Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Канадзавы, д. 2. Электронный адрес: obl_sobes@sobes.admirk.ru.

ресурса для всесторонней помощи семье в период ЧС, а во-вторых, о способности социальных служб незамедлительно реагировать на запрос семей, предлагать новые инструменты решения проблем и внедрять их в работу. Следует отметить, что из всех ведомств социального блока только социальная защита показала способность оперативно перестроить свою работу в период ЧС.

Ключевые слова: социальная помощь, семьи с детьми, чрезвычайные ситуации, социальные службы, внутриведомственное взаимодействие, социальные услуги, дистанционный формат.

Иркутская область является субъектом со сложными социально-географическими условиями. Большая протяженность и площадь территории субъекта, различная плотность населения в областном центре и на севере региона, труднодоступность многих территорий и суровый климат — вот лишь некоторые трудности, которые преодолевают социальные службы региона при предоставлении социальных услуг населению (Безруков, 2017). При этом вызовами современного общества являются крупные катастрофы техногенного и природного характера, пандемии и эскалации военных конфликтов во всем мире (Иванов, 2020; Шваб, 2019; Порфирьев, Макарова, 2014; Прогнозируемые вызовы..., 2021). В этих условиях оказание помощи семьям с детьми на территории региона требует принципиально новых подходов в деятельности министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области и сети подведомственных учреждений: мобильность, оперативное межведомственное и межсекторное взаимодействие, экстренное реагирование на запрос семьи и подбор эффективных практик помощи, использование нестандартных подходов в решении проблем семьи, возникающих в период чрезвычайных ситуаций (Больницкая, 2021).

За последние пять лет социальные службы Иркутской области неоднократно продемонстрировали, что роль органов социальной защиты в решении проблем семей с детьми в период ЧС является ключевой. Это обусловлено не только действиями Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», прямо возлагающего на систему социальной защиты обязанности по сопровождению граждан, и Федерального закона 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», определившего полномочия федеральных и региональных органов власти. Речь идет, во-первых, о наличии необходимого административного, финансового, кадрового ресурса для всесторонней помощи семье в период ЧС

(Методические рекомендации..., 2022), а во-вторых, о способности органов социальной защиты незамедлительно реагировать на запрос семей, предлагать новые инструменты решения проблем и внедрять их в работу (Лугуева, Айгубов, Магомедова, 2020).

Следует отметить, что из всех ведомств социального блока социальная защита одна из первых продемонстрировала способность оперативно перестроить свою работу в период ЧС. Покажу это на нескольких примерах.

За последние пять лет социальные службы региона столкнулись с несколькими ЧС регионального и даже федерального уровня. Так, 2017 г. стал для Иркутской области годом пожаров, в результате которых пострадало более 1 000 человек из 7 районов Иркутской области. Это было первое серьезное испытание для соцзащиты, которое выявило как положительные, так и отрицательные стороны системы.

Достаточно эффективной в деятельности органов социальной защиты населения оказалась внедряемая в регионе с 2014 г. технология доступной социальной помощи, целью которой является оказание поддержки населению, проживающему в отдаленных, труднодоступных населенных пунктах региона, участковыми специалистами по социальной работе. На сегодняшний день эта технология продолжает оправданно применяться: 375 участковых специалистов проводят работу с жителями в 1 027 отдаленных населенных пунктах.

Кроме того, благодаря технологии паспортизации территорий органам социальной защиты удалось оперативно получить информацию о количестве пострадавшего населения в разрезе основных социальных групп: пенсионеры, инвалиды, семьи с детьми.

Из негативных моментов, выявленных в этот период, можно отметить как отсутствие межведомственного взаимодействия на территории, так и ограниченность ресурсов органов социальной защиты для работы в режиме ЧС, в том числе кадровых, так как нагрузка на работников учреждений пострадавших территорий значительно

возросла: необходимо было провести обследование каждого пострадавшего домохозяйства, оказать правовую и психологическую помощь семьям, провести необходимую разъяснительную работу с населением, оказать первичную финансовую и материальную помощь. Именно тогда впервые был использован ресурс других социальных учреждений региона для оказания помощи пострадавшим семьям. К этой работе было привлечено отделение срочной помощи Комплексного центра социального обслуживания населения г. Иркутска для оказания материальной помощи семьям в виде предоставления одежды и набора продуктов питания.

В 2017 г. мы даже не подозревали, что это была своеобразная репетиция перед более сложными испытаниями.

В 2019 г. Иркутская область столкнулась с наводнением, которое признано самым сильным за последние сто лет. В результате ЧС природного характера пострадали:

- 11 муниципальных образований (г. Тулун и Тулунский район, г. Нижнеудинск и Нижнеудинский район, а также Заларинский, Зиминский, Куйтунский, Тайшетский, Усольский, Черемховский, Чунский, Шелеховский районы);
- 135 населенных пунктов, 10 890 жилых домов, в которых проживало более 47 тысяч человек;
- 12,3 тысячи приусадебных участков, 150 социально значимых объектов.

С целью устранения последствий паводка министерством социального развития, опеки и попечительства Иркутской области была сформирована и реализована модель экстренной помощи жителям региона при ЧС природного характера. В рамках модели осуществлены следующие мероприятия:

- эвакуация населения, оказание первой помощи, расселение к родственникам, знакомым, в пункты временного пребывания (далее — ПВР);
- организация работы ПВР, оказание социально-правовой, социально-психологической помощи гражданам, проживающим в ПВР;
- открытие и работа межведомственных консультационных пунктов, распространение памяток среди населения;
- сбор, получение и организация выдачи гуманитарной помощи;

- оказание помощи в оформлении и восстановлении утраченных документов;
- организация приема документов, единовременных выплат и пособий;
- подворовый обход и обследование пострадавшего населения, оказание помощи, консультирование граждан;
- участие в работе оценочных комиссий, обследование пострадавших домов, подготовка актов;
- формирование и направление на отдых и оздоровление групп детей, семей по путевкам «Мать и дитя»;
- предоставление выплат на приобретение жилья гражданам, жилые помещения которых утрачены.

Необходимо подчеркнуть, что первые выплаты жители пострадавших территорий получили уже на второй день после паводков с учетом того, что у значительной части населения все документы были утрачены.

Реализация модели экстренной помощи требовала привлечения значительных кадровых ресурсов. Данный запрос был удовлетворен посредством мобилизации кадров из учреждений, подведомственных министерству социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, расположенных на непострадавших территориях. Работу в круглосуточном режиме в пяти наиболее пострадавших районах осуществляли 623 специалиста. Привлекаемые сотрудники направлялись на те участки, где требовалась наибольшая помощь, в том числе:

- 1) для организации консультационной помощи, предоставления социально-правовых услуг, содействия в размещении граждан (специалисты из учреждений социального обслуживания населения);
- 2) для назначения мер социальной поддержки (специалисты из учреждений социальной защиты).

Также отметим, что в рамках реализации модели экстренной помощи запущены не только механизмы предоставления мер социальной поддержки, но и разработано региональное законодательство, направленное на решение основных жизненно важных проблем для жителей при возникновении ЧС.

Конечно же, деятельность учреждений социальной защиты региона по устранению последствий паводков продолжалась не только в 2019 г., так как речь в этот сложный период шла

не просто о повреждении или утрате имущества, а о полном разрушении населенных пунктов. Закрылись многие частные предприятия, не подлежали восстановлению социально значимые объекты, люди потеряли работу, жители территорий находились в депрессии.

После первичной помощи необходимо было вдохнуть в пострадавшие районы новую жизнь. Для этого были использованы и задействованы различные технологии: индивидуальное сопровождение пострадавших семей, психологическая помощь и поддержка, решение жилищных проблем, в том числе в судебном порядке, а также трудоустройство граждан. Для всей этой работы широко применялась на тот момент новая для России технология социального контракта. Приведу пример только одной наиболее известной для всей страны территории — г. Тулун и Тулунский район. Именно в этих муниципальных образованиях социальный контракт стал механизмом, который позволил как решить проблемы отдельных семей, так и значительно развить сервисы для населения, восстановить социально-бытовую инфраструктуру города и районов. Численность населения г. Тулуна и Тулунского района в 2019 г. составляла 67 206 человек, помощь в период бедствия получили 16 835 человек. Однако рабочих мест не хватало, и жизнеобеспечение семей оставалось большой проблемой. В 2021 г. в результате реализации проекта «Тулун — территория соцконтракта» Управлением социальной защиты населения по г. Тулуну и Тулунскому району при взаимодействии со всеми подведомственными учреждениями на обслуживаемой территории — Комплексным центром социального обслуживания населения, Центром помощи детям, органами опеки — было заключено 334 социальных контракта на общую сумму 45,1 млн рублей, в том числе:

- на поиск работы — 75 соцконтрактов;
- на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности — 113 соцконтрактов;
- на ведение личного подсобного хозяйства — 68 соцконтрактов;
- на иные мероприятия, направленные на преодоление трудной жизненной ситуации, — 78 соцконтрактов.

Социальный контракт — это достаточно новая для России технология, которая до сих пор вызывает много вопросов и споров у специалистов. Но на основании опыта Иркутской области

мы можем утверждать, что такая помощь действительно является эффективной, так как носит адресный характер, стимулирует семью на выход из бедности, на решение своих жизненных проблем. Кроме этого, жители г. Тулуна и Тулунского района стали отмечать, что в городе появились сервисы, которых не было даже до наводнения.

Необходимо подчеркнуть, что в 2021 г. проект Управления социальной защиты населения г. Тулуна и Тулунского района занял первое место на конкурсе профессионального мастерства в сфере социального обслуживания Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

2020 и 2021 гг. стали сложными не только для нашей страны, весь мир столкнулся с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. И нам пришлось перестроить всю систему помощи семьям с детьми. Социальными службами региона были отработаны выездные и дистанционные форматы работы с семьями:

- онлайн-клубы для родителей;
- реализация формы дистанционного сопровождения семей через группы в мессенджерах;
- разработка и проведение специализированных развивающих занятий в мессенджерах, социальных сетях;
- работа мобильных бригад, которые стали выполнять роль не только служб срочной помощи, но и служб выявления потребностей семьи и сопровождения семей, в том числе на отдаленных территориях.

Именно в этот период стали развиваться эффективные подходы к сопровождению семей, в том числе имеющих в своем составе детей-инвалидов. Так, технология полиформатного сопровождения семей с детьми, разработанная и внедренная в практику работы сети учреждений, осуществляющих сопровождение семей с детьми-инвалидами, реабилитационным центром для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья «Сосновая горка», позволила не только организовать дистанционные форматы работы, но и выработать и внедрить практику внутриведомственного взаимодействия при сопровождении данных семей, исключить дублирование функций учреждений, скоординировать свои действия и использовать ресурс реабилитационного центра для семей из самых отдаленных территорий региона. Безусловным преимуществом данной технологии стала разработка бесшовного маршрута сопровождения

семей с детьми-инвалидами в Иркутской области от рождения до совершеннолетия. Данная технология получила высокую оценку на федеральном уровне: в 2021 г. учреждение стало призером Всероссийского конкурса профмастерства Минтруда Российской Федерации, заняв 2-е место, а в 2022 г. деятельность организации отмечена дипломом Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в рамках ежегодного форума «Вместе — ради детей!».

При этом необходимо отметить, что для социальных служб Иркутской области такие форматы работы оказались очень востребованными и перспективными, что позволило уже в 2022 г. принять участие в пилотном проекте Минтруда РФ при содействии Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, по внедрению модели Семейного многофункционального центра. Кроме того, с учетом эффективности дистанционных форматов работы в 2022 г. в регионе при поддержке правительства области был открыт и начал функционировать Единый контактный центр взаимодействия с гражданами.

Для системы социальной защиты Иркутской области 2022 г. также стал годом серьезных испытаний. В мае — в результате лесных пожаров — серьезно пострадало население Тайшетского района. В июле два района области: Черемховский и Киренский — пострадали в результате сильных ливневых дождей. В октябре в г. Иркутске произошла авиакатастрофа в жилом районе.

При таком количестве ЧС природного и техногенного характера необходимо отметить слаженную работу учреждений, подведомственных министерству, по оперативному решению проблем населения. Во многом это удалось благодаря утвержденному алгоритму действий сотрудников территориальных управлений социальной защиты населения, управлений социальной защиты и социального обслуживания населения, комплексных центров социального обслуживания населения при оказании помощи гражданам, пострадавшим в ЧС. Который был разработан еще в 2018 г., но в 2022-м обновлен с учетом полученного за эти периоды опыта.

Однако жизнь поставила перед нами новые серьезные задачи. 2022 г. навсегда войдет в историю России как год проведения специальной военной операции и последующей мобилизации мужского населения для участия в ней. Данная ситуация стала новым вызовом для нашей системы. Но при этом можно отметить, что с учетом предыдущего накопленного опыта работы в режиме ЧС нам удалось очень быстро организовать

работу системы социальной защиты населения региона и выстроить систему межведомственного сопровождения семей участников СВО. С этой целью была разработана форма паспорта семьи участника СВО и алгоритм межведомственного взаимодействия при выявлении и решении проблем семьи. За два неполных месяца работы с данной категорией семей осуществлена паспортизация 6 002 семей участников СВО, выявлены потребности 4 023 семей, нуждающихся в тех или иных видах помощи, и уже предоставлено более 1 400 различных услуг. Испытание на прочность прошли и работники Единого контактного центра. Привлечение ресурсов этого подразделения к консультированию и проактивному информированию участников СВО и членов их семей о мерах социальной поддержки, к оперативному решению возникавших у граждан правовых проблем в значительной степени позволило снизить напряженность как у участников СВО, так и у членов их семей. Таким образом, проделанная работа показала, что в регионе возникла потребность в специализированных службах помощи семьям мобилизованных, в том числе для консолидации и координации деятельности служб и органов различной ведомственной подчиненности. На сегодняшний день министерством социального развития, опеки и попечительства Иркутской области проводится работа по созданию такого центра.

В заключение необходимо отметить, что в процессе предоставления помощи семьям с детьми в режиме чрезвычайных и экстренных ситуаций министерству социального развития совместно с сетью подведомственных учреждений удалось отработать:

- механизм внутриведомственного взаимодействия при предоставлении социальных услуг и мер социальной поддержки населению региона;
- механизм межведомственного и межсекторного взаимодействия с использованием информационных, договорных, координационно-совещательных способов;
- форматы предоставления дистанционных социальных услуг населению и приема заявлений на предоставление МСП;
- механизм разработки и принятия НПА, регулирующих назначение и выплату экстренных МСП;
- механизм мобилизации кадров для содействия службам в районах ЧС в решении поставленных задач;

— различные формы и методы предоставления услуг населению в дистанционном формате.

Таким образом, важно отметить, что система социальной защиты региона сегодня является гибкой структурой, способной не только

своевременно реагировать на запрос государства и общества в чрезвычайных и экстремальных ситуациях, но и консолидировать и координировать деятельность иных служб и ведомств при предоставлении необходимых видов помощи семьям с детьми в режиме ЧС.

Библиографический список

Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Методические рекомендации по порядку подготовки списков граждан, нуждающихся в получении единовременной материальной помощи, финансовой помощи в связи с утратой ими имущества первой необходимости, единовременного пособия в связи с гибелью (смертью) члена семьи (включая пособие на погребение погибшего (умершего) члена семьи) и единовременного пособия в связи с получением вреда здоровью при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, одобренные на заседании Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности протокол от 18 марта 2022 г. № 1, утв. МЧС России 3 марта 2022 г. № 2-4-71-7-11.

Безруков Л.А. Географическое положение Иркутской области: особенности и влияние на экономическое развитие // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2017. С. 5–24.

Иванов О.Б. Глобальные риски и новые вызовы человеческой цивилизации // ЭТАП. 2020. № 2. С. 7–20.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2019. 209 с.

Порфирьев Б.Н., Макарова Е.А. Природные и техногенные катастрофы: последствия для населения и экономики // Экономика и управление. 2014. № 4 (102). С. 4–15.

Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общей ред. А.С. Коржевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 562 с.

Большницкая А.Н. Комплексный межведомственный подход в работе с семьей и несовершеннолетними // ВЭПС. 2021. № 3. С. 134–141.

Лугуева А.С., Айгузов С.З., Магомедова Д.М.-С. Совершенствование социальной работы с семьей на основе внедрения информационных технологий // РППЭ. 2020. № 9 (119). С. 42–48.

Для цитирования. Родионов В.А. Роль органов социальной защиты населения Иркутской области в оказании социальной помощи семьям с детьми в чрезвычайных ситуациях // Вестник социальной политики. 2022. Т. 1, № 3. С. 46–53.

THE ROLE OF SOCIAL PROTECTION AGENCIES IN THE IRKUTSKAYA OBLAST IN PROVIDING SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES WITH CHILDREN IN EMERGENCY SITUATIONS

V.A. Rodionov

Social development, guardianship and welfare of the Irkutskaya oblast

Abstract. The article presents the results of social services in the Irkutskaya oblast in difficult geographical and socio-economic conditions. The large length and area of the subject territory, different

population density in the regional centre and in the north of the region, inaccessibility of many territories and harsh climate are just some of the difficulties that social services in the region overcome when providing social services to the population. At the same time, the challenges of modern society are major man-made and natural disasters, pandemics and escalation of military conflicts around the world. Under these conditions, assistance to families with children in the region requires fundamentally new approaches from social services, namely mobility, rapid interdepartmental and inter-sectoral interaction, emergency response to the family's request and selection of effective practices of assistance, the use of non-standard approaches in solving family problems that arise during emergencies. Over the last five years, the social services of Irkutskaya oblast have repeatedly demonstrated that social protection agencies play a key role in resolving the problems of families with children during emergencies. The point is, firstly, the availability of necessary administrative, financial, human resources for comprehensive assistance to families during emergencies, and secondly, the ability of social services to immediately respond to the request of families, propose new tools to solve problems and implement them in their work. It should be noted that of all departments of the social block only social protection showed the ability to promptly restructure their work during the emergency.

Keywords: social assistance, families with children, emergencies, social services, intradepartmental cooperation, social services, remote format.

References

Federal Law of 28.12.2013 № 442-FZ Ob osnovah social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii [On the basis of social services for citizens in the Russian Federation]. Legal reference system "Consultant Plus". Retrieved Oktober 22, 2022 from <http://www.consultant.ru/document> (In Russian).

Federal Law of 21.12.1994 № 68-FZ O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodnoego i tekhnogennogo haraktera [On protection of population and territories from emergency situations of natural and man-made character] Retrieved Oktober 22, 2022 from <http://www.consultant.ru/document> (In Russian).

Metodicheskie rekomendacii po poryadku podgotovki spiskov grazhdan, nuzhdayushchih'sya v poluchenii edinovremennoj material'noj pomoshchi, finansovoj pomoshchi v svyazi s utratoj imi imushchestva pervoj neobходимosti, edinovremennogo posobiya v svyazi s gibel'yu (smert'yu) chlena sem'i (vklyuchaya posobie na pogrebenie pogibshogo (umershego) chlena sem'i) i edinovremennogo posobiya v svyazi s polucheniem vreda zdorov'yu pri likvidacii posledstvij chrezvychajnyh situacij prirodnoego i tekhnogennogo haraktera [Methodological recommendations on the procedure for preparing lists of citizens in need of receiving a one-time financial assistance, financial assistance in connection with the loss of property of prime necessity, a one-time allowance in connection with the death (death) of a family member (including a funeral grant for a deceased (dead) family member) and a one-time allowance in connection with damage to health caused by natural and man-made emergencies], approved at a meeting of the Government Commission for Prevention and Relief. Retrieved Oktober 22, 2022 from <https://mchs.gov.ru/dokumenty/6023> (In Russian).

Bezrukov, L.A. (2017). Geograficheskoe polozhenie Irkutskoj oblasti: osobennosti i vliyanie na ekonomicheskoe razvitie [Geographical position of the Irkutsk region: peculiarities and influence on economic development] *Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Earth Sciences*, 4, 5–24 (In Russian).

Ivanov, O.B. (2020). Global'nye riski i novye vyzovy chelovecheskoj civilizacii [Global Risks and New Challenges of Human Civilization] *ETAP*, 2, 7–20 (In Russian).

Schwab, K. (2019). *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo (In Russian).

Porfiriev, B.N., Makarova, E.A. (2014). Prirodnye i tekhnogennye katastrofy: posledstviya dlya naseleniya i ekonomiki [Natural and man-made disasters: consequences for population and economy] *Economics and Management*, 4(102), 4–15 (In Russian).

Korzhevskiy, A.S. (Ed.). (2021). *Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii* [Forecasted challenges and threats to national security of the Russian Federation and directions of their neutralization] Moscow: Publishing house of the Russian State Humanitarian University (In Russian).

Bolnitskaya, A.N. (2021). Kompleksnyj mezhdedomstvennyj podhod v rabote s sem'ej i nesovershennoletnimi [Integrated Inter-agency Approach in Work with Families and Minors] *VEPS*, 3, 134–141.

Luguyeva, A.S., Aigubov, S.Z., Magomedova, D.M.-S. (2020). Sovershenstvovanie social'noj raboty s sem'ej na osnove vnedreniya informacionnyh tekhnologij [Improving social work with families through the introduction of information technology]. *RPPE*, 9(119), 42–48.

For citing. Rodionov, V.A. (2022). Rol' organov social'noj zashchity naseleniya Irkutskoj oblasti v okazanii social'noj pomoshchi sem'yam s det'mi v chrezvychajnyh situacijah [The role of social protection agencies in the Irkutskaya oblast in providing social assistance to families with children in emergency situations]. *Vestnik socialnoj politiki*, 1(2), 46–53 (In Russian).

УДК 364.4

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_54

ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

С.Б. Быстрянец

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация. Социальная работа во многом остается только практикой, при этом в ходе подготовки специалистов по социальной работе в учебные планы включается дисциплина «теория социальной работы». Проблема концептуализации практической деятельности в области социальной работы начинается с трудности определения объективной реальности, которую может изучать данная наука. Причем эта проблема не снимается и в случае, если прилагается оговорка о науке «среднего уровня», как статуса теории социальной работы. Социальную работу часто трактуют как деятельность, производную от позиции государства, берущего на себя все большее обременение общественными проблемами и проблемами граждан. Социальный работник осуществляет свою деятельность на основе правовой нормы, реализуя право социального обеспечения. В этом случае следует включать в объективную реальность социальной работы специфику юридических трактовок и правовых практик. Одним из ключевых в социальной работе является принцип адресности. Поэтому при формулировке теории социальной работы следует решить ту же задачу, которую решал Э. Дюркгейм в «Метод социологии»: отделить социальную реальность от индивидуальной (психологической). Эта задача осложнена со времен Э. Дюркгейма тем, что психология как научная дисциплина во многом потеряла свой «сциентистский» ресурс. Связь психологии с теорией социальной работы лишает теорию возможности стать научной. Действительно, в ходе профессиональной подготовки по социальной работе основное внимание сейчас сконцентрировано на «технологии», методах. И методы практической деятельности возможно соединить с методами научного познания посредством трактовки целесообразности, целеполагания. Целеполагание, т. е. то, что должно осуществиться, является обязательным элементом в алгоритме практической деятельности. Человек не просто преобразует реальность, природную и социальную, он реализует свою сознательно сконструированную цель. Поэтому общей объективной основой для «теорий социальной работы» могли бы стать либо «социология практики», либо «социология общественно значимых целей». Второй вариант представляется более перспективным в настоящее время.

Ключевые слова: теория социальной работы, социальное обеспечение, адресность, целеполагание, технология социальной работы, общественно значимые цели, научная теория, научный закон.

Быстрянец Сергей Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Адрес: Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10. Электронный адрес: bystriantsev@yandex.ru.

Социальная работа во многом остается только практикой, хотя мы, осуществляя подготовку специалистов по социальной работе, включаем в учебные планы дисциплину «теория социальной работы». Однако учебники, которые используются, с большой натяжкой можно назвать учебниками о науке. Можно привести в пример учебник под редакцией Е.И. Холостовой и Е.Г. Студеновой (2018), М.В. Фирсова и Е.Г. Студеновой (2001), Н.Ф. Басова (2018), О.В. Заслонкина (2015) и других авторов. Благодаря этим учебникам сложилось устоявшееся мнение о научной трактовке социальной работы. В российских университетах оно складывалось под влиянием ученых Российского государственного социального института, возглавляемых академиком РАН В.И. Жуковым (2015). Это большая группа ученых и преподавателей, создавших основу большинства учебных курсов по дисциплине «социальная работа», формировавших терминологический аппарат, отметивших наиболее яркие закономерности, указавшие на наиболее подходящие методы работы с эмпирическим материалом.

Однако в их же текстах содержится и сомнение о возможности появления теории социальной работы. Отмечалось, что теоретическое знание в социальной работе опирается на очень непохожие исследовательские парадигмы и традиции — К. Маркса (1960), Э. Дюркгейма (1995), М. Вебера (1949), З. Фрейда (2006), К. Роджерса (1994). Соединить их в единую синтетическую теоретическую модель просто невозможно. Подсмотреть и перенести в Россию какую-то теорию, как это часто делалось в 1990-е гг. авторами текстов по социальным наукам, тоже оказалось невозможно. Утверждалось: «ни в одной стране, имеющей традиции социальной работы, нет единого теоретического обоснования практики социальной работы» (Жуков, 2015).

Между тем научное конструирование теории социальной работы необходимо как этап институализации самой социальной работы. Это особенно важно для обучения. Это одна из важнейших функций в любом обществе. В упрощенном варианте обучение можно представить как действие научения, которое усложняет, дополняет или даже модифицирует природные рефлексы, сложившиеся социальные практики. Обучение дает возможность отказаться от традиционных, стандартизированных, привычных действий ради новых действий, необходимых для реагирования на незнакомые ранее ситуации. Обучение должно развивать творческое решение социальных проблем, которые обучающие не знают.

Обучение, как мы знаем консервативно, мы можем научить только тому, что знаем сами. С этой точки зрения вполне оправдано включение в учебные планы специальности «социальная работа» дисциплины «инновации и инновационные технологии в социальной работе». «Теория — это способ восприятия и понимания новой, ранее не встречавшейся ситуации» (Быстрянец, 2015). В процессе обучения учат продуктивно использовать хорошо известные, рутинные, стандартные приемы работы. Теория, предопределяя технологии, показывает варианты и допуски в развитии технологий, возможности приспособить их к вновь появившимся ситуациям. Теория дает возможность не только усвоить опыт предшественников, но ориентирует, чему еще надо научиться.

Теория в общественных науках — это символические конструкции. Теорию как символ, которому обучаются и включают в общественную практику, нужно воспринимать как социальный факт в трактовке Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1995). Такой теоретической моделью является «модель трудной жизненной ситуации», которая воспроизводится в учебниках и научных трудах, ориентирующихся на школу РГСУ («школу В.И. Жукова»). Социальный факт «трудной жизненной ситуации» (ТЖС) стал фактом общественной практики, когда был включен в правовые нормы, законы РФ. Теперь научные сотрудники и студенты, обучающиеся социальной работе, исследуя социальную работу с различными общественными группами, практически любую общественную коллизию, опирается именно на этот символ, изучает возможности использования внешних, иногда внутренних ресурсов для выхода из ТЖС.

Однако является ли символическая конструкция «ТЖС» единственно возможной, удовлетворяющей требованиям любой общественной ситуации? Мне представляется, что можно подумать о конструкции, которая могла бы дополнить ТЖС. Деятельность социальных работников, преподавателей, научных сотрудников, законодателей, без которых осуществление социальной работы было бы невозможно, в течение двадцати лет нового столетия накопили большой и новый социальный опыт. Он требует научного обобщения, концептуализации.

Проблема концептуализации практической деятельности в области социальной работы начинается с трудности определения объективной реальности, которую может изучать данная наука. Причем эта проблема не снимается и в случае,

если прилагается оговорка о науке «среднего уровня» как статуса теории социальной работы.

Социальную работу часто трактуют как деятельность, производную от позиции государства, берущего на себя все большее обременение общественными проблемами и проблемами граждан. В этом случае сформировать полноценную теорию социальной работы с признаками, характерными для науки, не удастся. Очень многое будет зависеть от меняющейся «бюджетной конъюнктуры», от предпочтений правящей партии или административной элиты. Хорошо известно, что социальный работник осуществляет свою деятельность на основе правовой нормы, реализуя право социального обеспечения. В этом случае следует включать в объективную реальность социальной работы специфику юридических трактовок и правовых практик, которые носят в большинстве своем субъективный характер.

Это противоречит условиям научности, когда правовой закон подменяет научный. Такую подмену мы, как преподаватели, отмечаем у наших студентов. Здесь у нас есть возможность обратиться к идее И. Бентама (Bentham, 1983), который дал нам идеологическую основу социальной работы — деонтологию. Возможности использования закона как формы научного суждения важны для процесса формирования теории социальной работы, так как научная теория и есть модель, сочетающая и объединяющая единой логикой законообразные обобщения.

В русском языке слово закон — многозначно. Мы должны учитывать как минимум два смысла: «онтологический закон» и «деонтологический закон». Онтологический закон, как известно из курса философии (Бондаренко, 2000), относится к сфере социальной реальности, области сущего, к объективной реальности, которую ранние социологии рассматривают составной частью природной системы. Они из разряда естественного устройства мира, всеобщие «естественные законы». Они не допускают присутствия волевого начала (божественного или человеческого). Наука, в частности общественные науки, стремится к открытию именно таких законов. Онтологические законы, с которыми мы сталкиваемся в нашей жизни, носят эмпирический характер. Но, включая такой закон в теоретическую конструкцию, можно «приподнять» его значимость и статус до теоретического закона. К открытию таких законов или хотя бы закономерностей, регулярностей должен стремиться любой исследователь. Такие законы должны быть сформулированы и для теории социальной

работы, если мы хотим создавать действительно научный продукт.

Например, одним из таких законов должен стать один из социологических законов — закон У. Томаса (Хаустов, 2014): «социальная реальность, которую мы создаем в своем сознании, реальна по последующим социальным действиям, в частности, это основание для последующего поведения индивида». И. Бентам (Bentham, 1983) изучал и указал нам на «деонтологические законы». Он не был первым в изучении этой проблемы. Уже древнегреческие философы хорошо понимали различие между этими законами и противопоставляли понятия «номос» (νόμος — закон), «тесис» (θέσις — установление) и «фюсис» (φύσις — природа). Деонтология в первом случае и онтология во втором.

В социальной работе нельзя обойти принцип адресности. Поэтому при формулировке теории социальной работы следует решить ту же задачу, которую решал Э. Дюркгейм в «Метод социологии» (Дюркгейм, 1995): отделить социальную реальность от индивидуальной (психологической). Эта задача осложнена со времен Дюркгейма тем, что психология как научная дисциплина во многом потеряла свой «сциентистский» ресурс. Связь психологии с теорией социальной работы лишает теорию возможности стать научной.

Действительно, социальная работа — это сейчас «технологии», методы. И методы практической деятельности возможно соединить с методами научного познания через трактовку целеобразности, целеполагания. Целеполагание, т. е. то, что должно осуществиться, является обязательным элементом в алгоритме практической деятельности. Человек не просто преобразует реальность, природную и социальную, он реализует свою сознательно сконструированную цель.

Поэтому общей объективной основой для «теорий социальной работы» могли бы стать либо «социология практики», либо «социология общественно значимых целей». Второй вариант мне кажется более перспективным в настоящее время. В Санкт-Петербурге была и на двух кафедрах СПбГУ сохранилась очень подходящая традиция, заложенная философом, экономистом, социологом профессором В.Я. Ельмеевым (Савкин, 2015). Эта традиция отрицает возможность рассматривать любое общественное явление как лишенное ценностной ориентации. В этом она противостоит американскому бихевиоризму и структурному функционализму. Такой подход горячо поддерживал перед своим уходом с поста декана социологического

факультета МГУ В.И. Добренчиков. Направление в социологии, которое продвигал профессор Ельмеев (Социология практики, 1994), получило название «социология практики». Нечто похожее с точки зрения сходных проблем и синтеза различных наук: теории организации, теории управления, психологии труда, инноватики и других — предлагал еще в 1970-е гг. Т. Котарбинский под названием «праксиология» (Котарбинский, 1975).

Суть «социологии практики» состоит в том, что деятельность людей, в какой бы общественной сфере эта деятельность ни развивалась, связана с социальными интересами либо отдельных индивидуумов, либо социальных групп, либо общества в целом. Анализируя социальную работу, мы неизбежно идем по цепочке, намеченной еще Гегелем (Гегель, 1974): общего, особенного и единичного. Единичное — частный интерес человека, потерявшего работу, особенное — социальная общность людей, объединенных отсутствием работы, «безработных», общее — ценность занятости, в каком бы аспекте ее ни рассматривать.

Любая деятельность человека целесообразна, детерминирована целью, которая конкретна. Но движение к цели и достижение цели имеет ещё и социально значимую ценность. Деятельность всегда имеет ценностное измерение. Это не только конкретный результат, но и утверждение в деятельности ценностей самореализации, социальной значимости личности, самоутверждения и самосовершенствования. Это могут быть

ценности и идеалы профессии, ценности гуманизма и альтруизма. Важно, что ценности регулируют и влияют на цели. А значит, находят отражение и в конечном результате деятельности человека, который может быть представлен чем-то материальным, имеющим потребительскую стоимость, или духовным, нематериальным, но важным для поддержания социальной идентичности. Именно здесь проявляется значимость деонтологических законов, утверждающих не объективное, но должное.

Человек, как существо творческое, сформировал свою среду обитания — «вторую природу». Это формирование шло по пути приспособления к природной среде. Но не только. Техносфера, основанная на технологиях и энергии, предложенных современной наукой, создала комфортные условия физическому существованию человека. Социальная работа, в союзниках у которой «мегамашина» — социальное государство, сможет оказывать на социальную сферу серьезное влияние, если в своей деятельности будет руководствоваться «теорией социальной работы», которая носит не локальный и ограниченный характер, а общесоциальный. Эту теорию должны составить социологические законы, имеющие деонтологическое содержание и обновленный терминологический аппарат. Такую работу предполагал И. Бентам на заре эпохи капитализма. Такую работу должны проделать и современные обществоведы, чтобы выйти на новый этап общественного развития.

Библиографический список

Бондаренко И.А. Онтологический закон жизни сознания: текст читается только текстом // Вестник ОмГУ. 2000. № 3. С. 28–32. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskiiy-zakon-zhizni-soznaniya-tekst-chitaetsya-tolko-tekstom> (дата обращения: 22.11.2022).

Быстрянец С.Б. Ведущая роль теории в процессе изучения общественных дисциплин // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 2. С. 56–61.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 426 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

Заслонкина О.В. Теория социальной работы: учебно-методическое пособие. Орел: Изд-во Орловского филиала РАНХиГС, 2015.

Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.

Основы социальной работы / Под ред. Н.Ф. Басова. М.: Изд-во «Юрайт», 2018. 213 с.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 251 с.

Савкин Н.С. Социологический метод В.Я. Ельмеева // Регионоведение. 2015. № 4 (93). С. 93–102.

Социология практики: Методологические проблемы / Под ред. В.Я. Ельмеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 159 с.

Теория социальной работы / Под общ. ред. Е.И. Холостовой, Е.Г. Студеновой. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2018. 474 с.

Теория социальной работы: электронный учебник / Под ред. В.И. Жукова. М.: РГСУ, 2015.

Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛА ДООС, 2001. 432 с.

Фрейд З. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 448 с.

Хаустов Д.С. Теорема Томаса: жизнь одной идеи // Идеи и идеалы. 2014. № 3 (21). С. 38–45.

Bentham J. Deontology // Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 119–281.

Weber M. The Methodology of the Social Science. Glencoe (Ill.), 1949.

Для цитирования. Быстрянец С.Б. Социологические основания для формирования теории социальной работы // Вестник социальной политики. 2022. Т. 1, № 3. С. 54–59.

SOCIOLOGICAL BASES FOR FORMULATION OF SOCIAL WORK THEORY

S.B. Bystryanzen

A.S. Pushkin Leningrad State University

Abstract. Social work in many ways remains only a practice, with the discipline of “social work theory” included in the training of social work professionals. The problem of conceptualising social work practice begins with the difficulty of defining the objective reality that this science can study. Moreover, this problem is not eliminated even if the caveat of “mid-level” science as the status of social work theory is attached. Social work is often interpreted as an activity derived from the position of the state that takes on an increasing burden of social problems and problems of citizens. The social worker carries out his or her activities on the basis of a legal norm, implementing social welfare law. In this case, the objective reality of social work should include specific legal interpretations and legal practices. One of the key principles in social work is the principle of targeting. Therefore, when formulating a theory of social work, the same task that Eduard Durkheim solved in *The Method of Sociology* should be solved: to separate the social reality from the individual (psychological) one. This task has been complicated since Durkheim’s time by the fact that psychology as a scientific discipline has largely lost its “scientific” resource. The connection between psychology and social work theory deprives the theory of the possibility of becoming scientific. Indeed, professional training in social work is now focused on “technology”, methods. And it is possible to combine methods of practical activity with methods of scientific cognition by means of interpretation of expediency, goal-setting. Goal-setting, that is, what needs to be realised, is an indispensable element in the algorithm of practical activity. Man does not simply transform reality, natural and social, he realises his consciously constructed goal. Therefore, the general objective basis for “theories of social work” could be either a “sociology of practice” or a “sociology of socially significant goals. The second option seems more promising at present.

Keywords: social work theory, social welfare, targeting, goal setting, social work technology, socially relevant goals, scientific theory, scientific law.

References

Bondarenko, I.A. (2000). Ontologicheskij zakon zhizni soznaniya: tekst chitaetsya tol’ko tekstom [Ontological law of consciousness life: the text is read only by the text]. *Vestnik Omsk State University*, 3, 28–32. Retrieved November 22,

2022 from <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskij-zakon-zhizni-soznaniya-tekst-chitaetsya-tolko-tekstom> (In Russian).

Bystryantsev, S.B. (2015). Vedushchaya rol' teorii v processe izucheniya obshchestvennykh disciplin [The leading role of theory in the process of studying social disciplines]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2, 56–61 (In Russian).

Hegel, G.W.F. (1974). *Nauka logiki. Enciklopediya filosofskih nauk* [Science of Logic. Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow: Thought. Vol. 1 (In Russian).

Durkheim, E. (1995). *Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow: Canon, 1995 (In Russian).

Zasloukina, O.V. (2015). *Teoriya social'noj raboty* [Theory of social work: educational and methodological manual]. Oryol: Publishing house of Oryol branch of RANEPa (In Russian).

Kotarbinsky, T. (1975). *Traktat o horoshej rabote* [A treatise on good work]. Moscow, Ekonomika (In Russian).

Marx, K., Engels, F. (1960). *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 23. Moscow, Gospolitizdat (In Russian).

Basov, N.F. (Ed.). (2018). *Osnovy social'noj raboty* [Fundamentals of Social Work] Moscow, Publishing house Yurite (In Russian).

Rogers, K. (1994). *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. Becoming a person]. Moscow: Progress (In Russian).

Savkin, N.S. (2015). Sociologicheskij metod V.Y. El'meeva [Sociological method of V.Y. Elmeev] *Regionology*, 4(93), 93–102 (In Russian).

Elmeev V.Y. (Ed.). (1994). *Sociologiya praktiki: Metodologicheskie problemy* [Sociology of Practice: Methodological Problems]. Saint Petersburg, Publishing house of SPbSU (In Russian).

Kholostova, E.I., Studenova, E.G. (Eds.) (2018). *Teoriya social'noj raboty* [Theory of Social Work]. Moscow: Dashkov & K° Publishing and Trading Corporation (In Russian).

Zhukov, V.I. (Ed.). (2015). *Teoriya social'noj raboty* [Theory of social work: electronic textbook]. Moscow, RGSU (In Russian).

Firsov, M.V., Studenova, E.G. (2001). *Teoriya social'noj raboty* [Theory of social work]. Moscow, Humanite (In Russian).

Freud, Z. (2006). *Psihologiya bessoznatelnogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow, OOO Firma STD (In Russian).

Haustov, D.S. (2014). Teorema Tomasa: zhizn' odnoj idei [Thomas's Theorem: The Life of One Idea] *Ideas and Ideals*, 3(21), 38–45 (In Russian).

Bentham, J. (1983). *Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press.

Weber, M. (1949). *The Methodology of the Social Science*. Glencoe (Ill.), 1949.

For citing. Bystryantsev, S.B. (2022). Sociologicheskie osnovaniya dlya formirovaniya teorii social'noj raboty [Sociological foundations for the formation of a theory of social work]. *Vestnik social'noy politiki*, 1(2), 54–59 (In Russian).

УДК 364:331.5.024.5

DOI 10.56817/27825302_2022_1_3_60

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ИННОВАЦИИ И РИСКИ

Е.А. Васильева

Кафедра управления социальной сферой СПбГИПСР (Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования последствий цифровизации социальной политики в Российской Федерации. Установлено, что в условиях пандемии COVID-19 практика активного внедрения новых информационных технологий распространилась на социальную сферу. Ожидалось, что это позволит снизить ряд рисков и усовершенствовать управление организациями, предоставляющими социальные услуги. Однако на практике это способствовало переходу социальной политики на социетальный, т. е. ценностно-нормативный уровень, что существенно повысило значимость доверия в этой сфере. Удовлетворенность граждан в таких условиях становится обязательным условием сохранения общественного согласия и стабильности и обеспечивается за счет ценностного единства и легитимности нормативных стандартов. При этом доверие в цифровой среде не предусматривает межличностного аспекта, что может сформировать замкнутый круг, который не позволит управляющей системе активно реагировать в ситуации неопределенности или риска. Для повышения уровня доверия предлагается использовать инновации в социальной сфере, как технологические, так и организационные. Для повышения эффективности социальной политики предлагается более активно использовать механизм учета потребностей граждан, результатом реализации которого станет нивелирование негативных трендов и укрепление социального единства.

Ключевые слова: социальная политика, цифровизация, социетальность, доверие, удовлетворенность, социальные услуги.

Введение

Цифровизация (диджитализация) в последние годы приобрела всеобщий характер, проникая во все сферы жизни общества, включая государственное управление. По сути этот процесс заключается во внедрении новых информационных технологий, целью чего является повышение объективности принимаемых управленческих

решений, снижение уровня бюрократизации и формализации, а в конечном итоге — повышение уровня общественного доверия и согласия. В социальной сфере внедрение онлайн-технологий было призвано:

- обеспечить оптимизацию организаций, предоставляющих социальные услуги (например, дистанционное образование

Васильева Елена Александровна — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления социальной сферой СПбГИПСР (Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы). Адрес: Россия, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., д 13. Электронный адрес: vasilieva_ea@bk.ru.

сокращает спрос на местные учебные заведения);

- сократить расходы местных бюджетов, в том числе за счет их централизации (концентрация высокотехнологической медицинской помощи в нескольких крупных центрах, размещающихся в мегаполисах, направление в которые производится по итогам телемедицины);
- исключить или как минимум сократить коррупциогенные риски, связанные с взаимодействием чиновников и потребителей услуг (организация получения льгот по факту регистрации в онлайн-базе данных без дополнительных визитов в органы государственной власти или местного самоуправления);
- сократить риски хищения средств, которые выделены на эти нужды за счет автоматизации процесса финансирования потребителей;
- сократить затраты на проведение исследовательской и экспертной работы за счет использования массива big data в сочетании с современными методами автоматизированного анализа.

В условиях пандемии значимость новых информационных технологий существенно выросла, так как вынужденно активизировала достаточно медленно развивавшийся процесс внедрения дистанционных технологий, причем даже в тех сферах, где ранее эта возможность не рассматривалась вследствие этических или управленческих особенностей. Произошла окончательная легитимизация электронного документооборота, альтернативных форм занятости, трансформировались запросы работодателей в отношении компетенций работников в пользу так называемых soft skills, в том числе тайм-менеджмента.

При этом практическая реализация политики цифровизации в социальной сфере актуализировала вопросы, которые до пандемии носили преимущественно теоретический дискуссионный характер. Причиной этого стали особенности организации этой сферы в Российской Федерации, где она объединяет совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние и потребление.

Целью данной статьи является анализ практики внедрения технологических инноваций в социальной сфере, а также определение рисков,

которые связаны с этой практикой в современных условиях.

Обзор литературы

Цифровизация социальной сферы является предметом целого ряда исследований, при этом авторы этих исследований рассматривают этот процесс как априори положительный тренд (Куценко, 2013; Margetts, Dunleavy, 2013; Brown et al., 2017). Однако позже, по мере осмысления возникающих рисков безопасности при внедрении новых информационных технологий в сферу социальных услуг, в литературе начали появляться сомнения относительно исключительно положительного влияния цифровизации государственного управления (Tolbert, Mossberger, 2003). Основные сомнения возникли в сфере организации взаимодействия всех вовлеченных акторов.

Социальная сфера функционирует на трех уровнях:

- организационном, где она объединяет организации социальной инфраструктуры и органы государственного управления всех уровней;
- уровне социальных общностей, что подразумевает, что при реализации своих функций организации социальной сферы необходимо обеспечивать согласование индивидуальных интересов отдельных граждан, различных трудовых коллективов и социальных групп;
- институциональном, в рамках которого возникает требование ценностного консенсуса (Васильева, Балашов, 2022).

Мы полагаем, что в условиях цифровизации социальной сферы проблема организации взаимодействия переходит на социетальный уровень. Термин «социетальность» введен А.Г. Келлером в 1920-х гг., который утверждал, что эта категория отражает всеобщность какого-либо социального процесса, его соотнесенность с обществом в целом. Так, под социетальной эволюцией понимается эволюция всего общества и его институтов, для осмысления которой необходимо абстрагироваться от действий отдельных лиц, за исключением великих исторических личностей (Попов, 2019).

Описание социетальности позволяет определить место социальных институтов в организации общественного развития. Социум представляет собой подвижную систему традиций, норм и отношений, которые отбираются

в ходе эволюции по критерию их эффективности для упорядочения хаотичных связей. Таким образом, можно предположить, что социальные институты представляют собой одновременно и основу, и поле социальной эволюции, это минимально необходимое и достаточное условие для обеспечения целостности.

Дальнейшее развитие и широкое признание концепт социетальности получил в работах Т. Парсонса, которые в настоящее время представляют собой методологическую основу структурного функционализма. Он определял это понятие как единство аналитического, эмпирического и реального уровня социальной реальности, подчеркивая его одновременную инструментальную и объективную сущность. Другими словами, социетальность является и реальностью, которая обеспечивает единство социального пространства, и аналитическим и эмпирическим понятием, которое позволяет измерить и описать это единство.

Описывая социетальную общность, Парсонс подчеркивает, что она создается «нормативной системой порядка, а также набором статусов, прав и обязанностей, соответствующих членству в подгруппе, характер которого может варьироваться для различных групп сообщества» (Парсонс, 1994: 502). Социетальность, т. е. единство общей культурной ориентации, расцениваемой всеми индивидами как основа своей социальной идентичности, является обязательным условием выживания и развития сообщества.

Таким образом, социетальность обеспечивается ценностным единством, причем под ценностью поднимается «нормативный стандарт, который определяет желаемое поведение системы относительно ее окружения без дифференциации функций единиц или их частных ситуаций» (Парсонс, 1994: 467). Норма, в свою очередь, воспринимается как стандарт, определяющий желаемое поведение для единицы или класса единиц в специфических для них контекстах.

Механизм социетальности можно представить следующим образом: практики, обеспечивающие желаемое поведение конкретной социальной группы, стандартизируются и приобретают статус нормы в пределах определенной общности; в процессе институционализации эти практики объединяются и сакрализуются, приобретая статус ценностей; ценности в своем единстве обеспечивают идентичность данного социума и выступают основой для его сплачивания перед лицом угроз, способствуя общественному единству, стабильности и нарастанию уровня доверия.

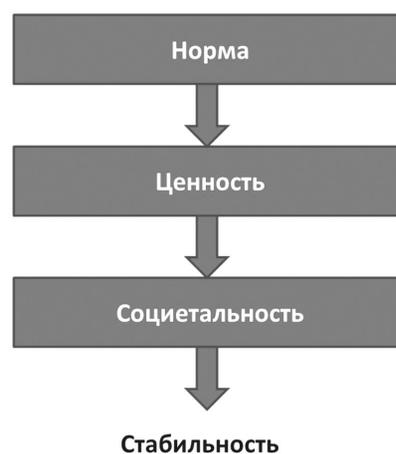

Рисунок 1. Механизм социетальности

Единство нормативного поля обеспечивается за счет мотивационной ориентации, распределенной по оси «активность — пассивность». «На одном полюсе действующее лицо может просто ожидать развития и не предпринимать никаких активных действий. В другом случае оно может активно пытаться контролировать ситуацию в соответствии со своими желаниями и интересами». Продвижение актора по этой оси определяется ценностными ориентациями, складывающимися из трех составляющих: когнитивных, оценочных и моральных стандартов. Тем не менее механизм, описанный Т. Парсонсом, имеет уязвимость, заключающуюся в понятии удовлетворенности. Действительно, какая удовлетворенность является основой социетальности — личностная (субъективная удовлетворенность индивида, опирающаяся на его жизненные обстоятельства и ментальные особенности) или социальная (обобщенная совокупность восприятия и оценок качества жизни как интегративного показателя объективных критериев изменения уровня благосостояния)?

Н. Луман (Luhmann, 1988), определяя неоднозначность понятия доверия, выделял три термина для описания этого концепта:

Familiarity: отношения определяются известными правилами и ролями, основываются на «неизбежном факте жизни» и символах, которые представляют различия между знакомым и незнакомым в рамках привычного мира;

Confidence: отношения основываются на вере акторов в то, что их ожидания не будут разочарованы в условиях отсутствия альтернатив;

Trust: отношения требуют предварительного взаимодействия субъектов и предполагают ситуацию риска.

В условиях цифровой среды доверие чаще сосредотачивается в сфере Confidence, так как такое взаимодействие, с одной стороны, не предусматривает межличностного аспекта (потребитель услуги не вступает в личные взаимоотношения с их производителем), а с другой стороны, еще не институционализировано настолько, чтобы вызывать безусловное принятие субъектами. При этом следует обратить внимание на то, что в современном русском языке доверие в политической сфере чаще рассматривается именно в значении авторитета, признания и одобрения (Rubtcova, Vasilieva, 2016), т. е. в значении Familiarity. Таким образом, перевод государственных услуг в цифровую форму может поставить под вопрос доверие к государству как социальному институту.

Итак, можно отметить, что в современной литературе, посвященной исследованию цифровизации социальной сферы, отмечено две основные теоретические проблемы:

- социетальность новых информационных технологий;
- обеспечение общественного доверия в условиях цифровизации социальной политики.

Методология исследования

В рамках исследования был проведен анализ практики внедрения новых информационных технологий в организации, действующей в социальной сфере Санкт-Петербурга. Основным анализом стали официальные отчеты органов государственной власти, размещенные

на официальных сайтах. Уровень общественного доверия был определен на основе данных опроса общественного мнения, предоставленного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

В качестве методологической основы исследования представлена следующая схема социетальности социальной политики (см. рис. 2):

- отношение конкретного человека к социальной сфере определяется нормами конкретного социума и, в свою очередь, определяет ценность социальных услуг, а следовательно, и социальной политики в данном обществе;
- ценность социальных услуг как источника существования (для их получателей) и как смысла существования (для работников организаций, их предоставляющих) определяет мотивацию для взаимодействия всех акторов социальной сферы;
- эта мотивация лежит в основе удовлетворенности граждан, определяя уровень общественного доверия, нормативно-ценностного единства и обеспечивая тем самым социетальность социальной сферы.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что социетальность цифровизации социальной сферы проявляется в том, что информационные технологии проникают во все сферы социальной жизни, одновременно определяя образ жизни людей и их отношение к тем или иным поведенческим практикам.

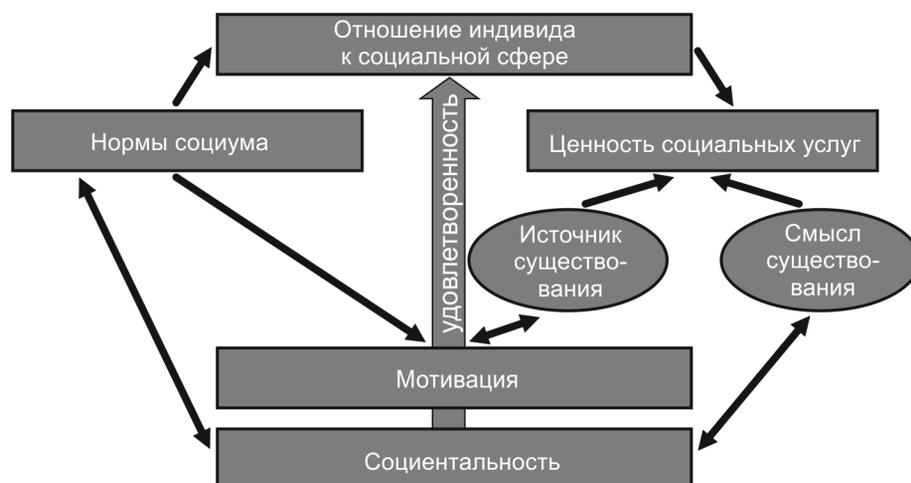

Рисунок 2. Социетальность социальной политики

Результаты исследования

Официальные отчеты органов государственной власти Санкт-Петербурга по итогам 2021 г. свидетельствуют о нарастании значимости новых информационных технологий в период пандемии. Так, определяя тренды реализации социальной политики, о внедрении технологических инноваций заявили:

Комитет по образованию СПб. — о создании центров цифрового образования и онлайн Навигатора дополнительного образования СПб.;

Комитет по культуре СПб. — о реализации регионального проекта «Творческие люди Санкт-Петербурга» в дистанционном формате, проведении онлайн-мероприятий, в том числе «Петербургские театральные сезоны онлайн», мультимедийный проект «Роговая музыка в цифровом веке», фестиваль «Петроджаз — онлайн»;

Комитет по здравоохранению СПб. — о введении дистанционного формата открытия и закрытия больничных листов, диджитализации вызова врача;

Жилищный комитет СПб. — об организации очно-заочных собраний как метода организации коммуникации между жителями и администрацией;

Комитет по информатизации и связи СПб. — о создании единой региональной информационно-справочной службы «122», включая виртуальные кол-центры, а также о расширении и развитии Единой мультисервисной телекоммуникационной сети исполнительных органов власти (ЕМТС).

Среди задач, которые поставлены перед органами государственной власти Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», одной из ключевых в рамках национальной цели «Цифровая трансформация» является увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 г.

При этом анализ каталога государственных услуг, реализуемых в электронной форме на Едином портале государственных услуг, показывает, что большинство предлагаемых услуг (33,6%) носят разрешительный характер, т. е. это услуги, связанные с выдачей лицензий, разрешений и подтверждения прав граждан и юридических лиц на осуществление определенной деятельности или действий. Заявительный характер носят 23,5% государственных услуг, предоставляемых в электронной форме (например,

предоставление больничного листа, оформление пенсионного перерасчета или материнского капитала, получение экспертного заключения, не носящего обязательный характер, и т. п.). Обязательными являются 21% предлагаемых услуг, что подразумевает получение необходимых документов, без которых осуществление определенной деятельности невозможно (например, получение паспорта гражданина, оплата штрафов, регистрация рождения или смерти гражданина и т. п.).

Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, внедрение технологических инноваций в социальную сферу в период пандемии существенно активизировалось, что можно рассматривать как позитивный факт, способствующий ее социализации. Но вместе с тем взаимодействие в социальной сфере при усилении цифровизации приобретает преимущественно вынужденный характер, при этом некоторые услуги обязательного и разрешительного характера осуществляются исключительно в электронном виде и с использованием только одной площадки, т. е. граждане и организации оказываются в ситуации отсутствия альтернативы, что исключает формирование доверия на уровне прошлого опыта (Familiarity) или личного взаимодействия (Trust).

- Также анализ отчетности показывает, что основными проблемами социальной сферы остались: усиление социальной дифференциации, снижение уровня доходов граждан, сокращение продолжительности жизни, рост заболеваемости, рост безработицы, недоступность образования и в конечном итоге рост социальной напряженности. В качестве их причин указывают следующие обстоятельства:
- недофинансирование;
- коммерциализация социальной сферы;
- нивелирование общественной потребности в социальных благах;
- активный запрос на изменение содержания трудовых функций в связи с диджитализацией социальной сферы.

Оценка рисков цифровизации

Для решения этих проблем в качестве организационной инновации предлагается использовать концепцию инновационной экономики, которая сосредоточена на обеспечении непрерывного процесса технологического совершенствования

за счет наращивания знаний и совершенствования информационно-коммуникационной системы как производственного фактора (Шевченко, Александрова, 2005). Особенности этого уклада являются:

фиксация на информации и человеческом капитале как основном ресурсе развития, которое обеспечивается за счет сочетания образования и активизации информационных технологий;

- закон повышающейся отдачи, суть которого заключается в том, что увеличение количества участников рынка и используемых производственных ресурсов повышает отдачу после перехода через «экстремум» за счет того, что знание не отчуждается от производителя и может быть предложено на рынке множество раз;
- основными субъектами инноваций являются субъекты малого и среднего предпринимательства, так как они более гибко реагируют на изменяющиеся требования внешней среды, а также их риски в случае неудачи на рынке несколько ниже;
- инфраструктурно инновационная экономика тяготеет к сетевой структуре, что позволяет более активно эксплуатировать новые форматы горизонтальной коммуникации, в том числе посредством цифровых технологий.

Горизонтально-сетевые организационные структуры сложились в сфере предоставления интеллектуальных услуг, которая также характеризуется неоднородностью кадрового состава, многозадачностью, требованием оперативности и гибкости, целью их внедрения чаще всего была активизация трудового потенциала специфических трудовых коллективов за счет вовлечения высококвалифицированных работников в управление (соуправление). В терминологии А.А. Богданова, такие организации определяются как пластичные (Богданов, 1989), т. е. отличающиеся гибким характером внутренних связей и легкостью перегруппировки элементов. Они доказали свою эффективность в условиях сетевой экономики (Kim, Ryu, 2017), когда взаимодействие существенно ускоряется и упрощается благодаря применению интернет-технологий за счет более качественного подбора контрагентов и исполнителей, увеличению экономичности всей сети за счет перераспределения ресурсов, минимизации затрат на оплату труда и социальные выплаты, а также на подготовительно-заключительные работы.

При этом управление персоналом в горизонтально-сетевых организационных структурах имеет ряд значимых особенностей, к которым относятся:

- весь многочисленный функционал служб управления персоналом фактически сводится к подбору и отбору кадров на свободном рынке;
- отсутствие постоянного трудоустройства нивелирует необходимость мотивации, так как в случае недостаточной эффективности с работником просто не продолжается сотрудничество;
- контроль формализуется и сосредотачивается на результате, а не на процессе организации взаимодействия;
- результативность обеспечивается тем, что, с одной стороны, в трудовой коллектив привлекаются только высокомотивированные работники, осознающие цели организации и разделяющие ее ценности, а с другой стороны, сокращаются затраты на организацию взаимодействия работников;
- формальная должностная иерархия фактически устраняется, так как работники взаимодействуют на принципах равноправия;
- возникает риск дегуманизации персонала организации;
- возникает опасность обострения дополнительных психологических проблем, таких как выгорание, повышенная тревожность, прокрастинация (Гороховская и др., 2009: 6; Кузьменко, 2021: 148).

Эти особенности определяют демотивацию работников, которые перестают осознавать свою значимость, теряют готовность к вовлеченному взаимодействию и нуждаются в дополнительных стимулах, связанных, как правило, с дополнительными перспективами участия в принятии решений и самореализации, которая заменяет стабильность трудоустройства и социальные гарантии. Для организаций социальной сферы, действующих на социетальном уровне, мотивация работников является ключевым фактором обеспечения нормативно-ценностного общественного согласия.

Итак, цифровизация процесса реализации социальной политики влечет три типа взаимосвязанных рисков:

Рисунок 3. Риски цифровизации социальной сферы

- риски, связанные со снижением уровня общественного доверия вследствие дефицита Trust (обезличивание акторов);
- риски, связанные с демотивацией социальных работников, как следствие, их выгоранием и повышенной тревожностью;
- риски, связанные со снижением уровня удовлетворенности граждан социальной политикой государства, что приводит к дальнейшему снижению уровня социального доверия (см. рис. 3).

В качестве превентивной меры предлагается обеспечить консолидацию технологических и организационных инноваций за счет реализации научно-обоснованного механизма учета потребностей граждан, которая требует активизации механизмов обратной связи. Схематично эту технологию можно представить в следующем виде:

По итогам научных исследований разрабатываются стандарты и нормативы наиболее востребованных услуг в социальной сфере.

Государством проводится процедура учреждения или отбора организаций, которые готовы предоставлять эти услуги.

Организации, функционирующие в этой системе, в процессе предоставления услуг взаимодействуют с потребителями и выявляют уровень их удовлетворенности.

Граждане, неудовлетворенные предложенной системой, в свою очередь, активно используют предложенные механизмы обратной связи для влияния на процедуру предоставления или номенклатуру предлагаемых услуг.

При этом параллельно формируются инновации, как технологические, так и организационные. Потребители, сталкиваясь с такими инновациями в других сферах, начинают требовать их внедрения в социальную сферу.

В регионах с конкурентной социальной сферой инновации начинают внедряться организациями, предоставляющими услуги.

Обобщение региональной практики позволяет принять решение о внедрении инноваций на общегосударственном уровне.

По итогам внедрения инноваций происходит корректировка перечня социальных услуг, предоставление которых проходит с государственной поддержкой, а также корректируются критерии их качества.

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, значимых для совершенствования социальной политики в условиях активного внедрения новых информационных технологий.

Распространение цифровизации в условиях пандемии COVID-19 определяет трансформацию социальной политики, переводя ее на социетальный уровень. Удовлетворенность граждан в таких условиях становится обязательным условием сохранения общественного согласия и стабильности и обеспечивается за счет ценностного единства и легитимности нормативных стандартов. Такое единство может быть обеспечено только в условиях социального доверия, понимаемого в значении Familiarity.

При этом доверие в цифровой среде чаще всего трактуется в значении Confidence, так как не предусматривает межличностного аспекта. В ситуации недостатка доверия во всей полноте этого понятия может сформироваться замкнутый круг, который не позволит управляющей системе активно реагировать в ситуации неопределенности или риска.

Для повышения уровня доверия предлагается использовать инновации в социальной сфере — как технологические, призванные повысить уровень персонализации и снизить коррупционную составляющую, так и организационные, которые реализуются в формате горизонтально-сетевых организационных структур.

Таким образом, особенность социальной сферы заключается в том, что проблемы,

обострившиеся в период пандемии, нуждаются в комплексном подходе, сочетающем оба типа инноваций. Для повышения эффективности социальной политики предлагается более активно использовать механизм учета потребностей граждан, результатом реализации которого станет нивелирование негативных трендов и укрепление социального единства.

Библиографический список

- Балашов А.И., Барыкин С.Е., Васильева Е.А. и др.* Инновации на рынке социальных услуг: теория, государственная политика и менеджмент. СПб.: СПбГИПСР, 2022. 186 с.
- Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Книга 2. М.: Экономика, 1989. 352 с.
- Гороховская Г., Чернецова Е., Петина М., Зимаева Ю.* Синдром хронической усталости // *Врач.* 2009. № 1. С. 4–8.
- Кузьменко А.В.* Стресс как источник профессионального выгорания // *Гуманитарный научный журнал.* 2021. № 1. С. 145–151. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9661-2021-1-021>
- Куценко Д.О.* Диджитализация муниципального управления в крупном городе: инструменты, барьеры и стратегии // *Управленческое консультирование.* 2020. № 6 (138). С. 158–171.
- Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // *Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова.* М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 494–513.
- Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // *Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова.* М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464–481.
- Попов В.Б.* Трансформация понятия «Тотальность» в постклассической общественной мысли // *Культура и цивилизация (Донецк).* 2019. № 2 (10). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-totalnost-v-postklassicheskoy-obschestvennoy-mysli> (дата обращения: 16.11.2022).
- Рубцова М.В., Васильева Е.А.* «Доверие»: концептуализация и операционализация понятия в корпусной лингвистике // *Социологические исследования.* 2016. № 1. С. 58–65.
- Шевченко И.В., Александрова Е.Н.* Инновационная экономика: вопросы теории и основные тенденции развития // *Финансы и кредит.* 2005. № 14 (182). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-ekonomika-voprosy-teorii-i-osnovnye-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 05.07.2022).
- Brown A., Fishenden J., Thompson M., Venters W.* Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK Government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF) // *Government Information Quarterly.* 2017. Vol. 34. P. 167–182.
- Kim Y.K., Ryu M.H.* Towards entrepreneurial organization: from the case of organizational process innovation in Naver // *Procedia Computer Science.* 2017. No. 122. P. 663–670. DOI: 10.1016/j.procs.2017.11.421
- Luhmann N.* Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives in Gambetta D. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Basil Blackwell, 1988.
- Margetts H., Dunleavy P.* The second wave of digital-era governance: a quasi-paradigm for government on the Web // *Philos Trans A Math Phys Eng Sci.* 2013. № 371 (1987). <http://dx.doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>
- Tolbert C.J., Mossberger K.* The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government // *Public Administration Review.* 2003. Vol. 66. P. 354–369.

Для цитирования. *Васильева Е.А.* Цифровизация социальной политики: инновации и риски // *Вестник социальной политики.* 2022. Т. 1, № 3. С. 60–69.

DIGITALISATION OF SOCIAL POLICY: INNOVATIONS AND RISKS

E.A. Vasilieva

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Abstract. The article presents the results of a study of the consequences of the digitalization of social policy in the Russian Federation. It is found that in the context of the COVID-19 pandemic, the practice of active implementation of new information technologies has spread to the social sphere. It was expected to reduce a number of risks and improve the management of organizations providing social services. In practice, however, this has contributed to a shift in social policy to a societal — that is, value-based — level, which has substantially increased the importance of trust in this sphere. Satisfaction of citizens in such an environment becomes a prerequisite for maintaining social harmony and stability and is ensured through value unity and legitimacy of normative standards. However, trust in the digital environment lacks an interpersonal dimension, which can form a vicious circle that prevents the governing system from responding actively in situations of uncertainty or risk. Social innovation, both technological and organisational, is proposed to increase trust. To increase the effectiveness of social policy, it is proposed to use more actively the mechanism of consideration of citizens' needs, the implementation of which will level out negative trends and strengthen social cohesion.

Keywords: social policy, digitalisation, societality, trust, satisfaction, social services.

References

- Balashov, A.I., Barykin, S.E., Vasilieva, E.A. et al. (2022). *Innovacii na rynke social'nyh uslug: teoriya, gosudarstvennaya politika i menedzhment* [Innovations in the Market of Social Services: Theory, Public Policy and Management]. Saint Petersburg, SPbGIPSR (In Russian).
- Bogdanov, A.A. (1989). *Tektologiya. Vseobshchaya organizacionnaya nauka* [Tectology. The universal organizational science]. Book 2. Moscow: Ekonomika (In Russian).
- Brown, A., Fishenden, J., Thompson, M., Venters, W. (2017). Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF). *Government Information Quarterly*, 34, 167–182.
- Gorokhovskaya, G., Chernetsova, E., Petina, M., Zimaeva, Y. (2009). Sindrom hronicheskoy ustalosti [Chronic Fatigue Syndrome]. *Vrach*, 1, 4–8 (In Russian).
- Kim, Y.K., Ryu, M.H. Towards entrepreneurial organization: from the case of organizational process innovation in Naver. *Procedia Computer Science*, 122, 663–670. DOI: 10.1016/j.procs.2017.11.421
- Kutsenko, D.O. (2020). Didzhitalizaciya municipal'nogo upravleniya v krupnom gorode: instrumenty, bar'ery i strategii [Digitalization of Municipal Management in a Large City: Tools, Barriers and Strategies]. *Management Consulting*, 6(138), 158–171 (In Russian).
- Kuzmenko, A.V. (2021). Stress kak istochnik professional'nogo vygoraniya [Stress as a source of professional burnout] *Humanitarian scientific journal*, 1, 145–151. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9661-2021-1-021> (In Russian).
- Luhmann, N. (1988). *Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives* in Gambetta D. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Basil Blackwell.
- Margetts, H., Dunleavy, P. (2013). The second wave of digital-era governance: a quasi-paradigm for government on the Web. *Philos Trans A Math Phys Eng Sci*, 371(1987). DOI: <http://dx.doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>
- Parsons, T. (1996). Ponyatie obshchestva: komponenty i ih vzaimootnosheniya [The Concept of Society: Components and their Relationships]. *American Sociological Thought*. In V.I. Dobrenkov (Ed.). Moscow: Moscow State University Press. P. 494–513 (In Russian).

Parsons, T. (1994). Funkcional'naya teoriya izmeneniya [Functional Theory of Change]. *American Sociological Thought*. In V.I. Dobrenkov (Ed.). Moscow: Moscow State University Publisher. P. 464–481 (In Russian).

Popov, V.B. (2019). Transformaciya ponyatiya "Total'nost'" v postklassicheskoj obshchestvennoj mysli [Transformation of the Notion of Totality in Postclassical Social Thought]. *Culture and Civilization (Donetsk)*, 2(10). Retrieved November 10, 2022 from <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-totalnost-v-postklassicheskoy-obshchestvennoy-mysli> (In Russian).

Rubtkova, M.V., Vasilieva, E.A. (2016). "Doverie": konceptualizaciya i operacionalizaciya ponyatiya v korpusnoj lingvistike ["Trust" conceptualization and operationalization of the concept in corpus linguistics]. *Sociological Studies*, 1, 58–65 (In Russian).

Shevchenko, I.V., Aleksandrova, E.N. (2005). Innovacionnaya ekonomika: voprosy teorii i osnovnye tendencii razvitiya [Innovational Economics: Issues of Theory and Main Development Trends] *Finance and Credit*, 14(182). Retrieved July 05, 2022 from <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-ekonomika-voprosy-teorii-i-osnovnye-tendentsii-razvitiya> (date of reference: 05.07.2022) (In Russian).

Tolbert, C.J., Mossberger, K. (2003). The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government. *Public Administration Review*, 66, 354–369.

For citing. Vasilieva, E.A. (2022). Cifrovizaciya social'noj politiki: innovacii i riski [Digitalisation of social policy: innovations and risks]. *Vestnik social'noy politiki*, 1(3), 60–69 (In Russian).